

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский Государственный Университет»

Филологический факультет

Кафедра истории зарубежных литератур

Наумова Валерия Дмитриевна

**ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНАХ Р. ХАГГАРДА: НОВАТОРСТВО И
ВИКТОРИАНСКИЙ КОНТЕКСТ**

Выпускная квалификационная работа магистра филологии

Научный руководитель:
к. ф. н., доцент

А. А. Аствацатуров

Рецензент:
к. ф. н., доцент

М. И. Жук

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Введение	3
Глава 1. Викторианская эпоха как культурно-исторический феномен	6
1.1. Викторианская эпоха: исторические рамки и характеристика.....	6
1.2. Викторианская мораль.....	10
1.3. Положение женщины в Викторианскую эпоху.....	14
1.4. Литература Викторианской эпохи.....	17
1.5. Женский образ в английской литературе.....	22
Выводы по I главе.....	24
Глава II. Р. Хаггард и цикл романов об Аэше.....	26
2.1. Жизнь и творчество Р. Хаггарда.....	26
2.2. Роман Р. Хаггарда «Она»: женские образы и Викторианская эпоха.....	28
2.3. Женские образы в романе «Аэша».....	35
Выводы по II главе.....	57
Глава III. Энн Бронте и викторианский роман первой половины 19 века.....	59
3.1. Жизнь и творчество Э. Бронте.....	59
3.2. Роман «Агнес Грей» и анализ женских образов.....	62
Выводы по III главе.....	89
Заключение.....	91
Список использованной литературы.....	94

Введение

Темой диссертационного исследования избраны женские образы в творчестве поздневикторианского писателя Г. Р. Хаггарда, их новаторство и отличие от женских образов, созданных предшественниками. Выбор темы обусловлен недостаточной изученностью романов Хаггарда из цикла «Аэша» (в частности, продолжение романа «Она» - «Аэша: Возвращение Её»), а также актуальностью интереса к истории женского образа в литературе, его развитию и трансформации.

Английская литература Викторианской эпохи подарила миру новые темы, приемы и мотив, произведения английских писателей XIX века стали фундаментом для многих литературных открытий литературы XX века. Конец столетия, так называемый, *fin de siecle*, стал переломной эпохой, авторы которой стали новаторами и законодателями новых литературных течений и новой прозы.

Одной из основных тем в литературном процессе Викторианской эпохе стала женская тема. Положение женщины в семье, ее права и возможности, разрешение на развод и эмансипация – эти идеи характерны для социально-культурного сознания Англии XIX века. Эта тема дает ключ к пониманию места женщины в обществе, ее роли в прогрессе, а также к определению специфики вопроса о ее правах и свободах. Социальная политика, нормы викторианской морали, личный пример королевы Виктории – все эти факторы отложили отпечаток на формирование женского образа в литературе. Однако теория и практика не всегда совпадают.

Актуальность данного исследования заключается в интерпретации женской тематики в культурно-историческом аспекте, анализе эволюции женского образа и положения женщины в семье и обществе, изучении истоков формирования определенного канона и видения британской женщины в культуре и литературе Великобритании. Данное исследование раскрывает новые аспекты в творчестве Р. Хаггарда, а также проводит сравнение его женских образов как с канонами эпохи, так и с героинями предшественников.

Новизна работы состоит в том, что романы Р. Хаггарда рассматриваются в культурно-историческом аспекте, а особый интерес представляют женские образы в контексте Викторианской эпохи, их новаторство и актуальность. Также в данной работе анализируется ранее не изученный роман Р. Хаггарда «Аэша: Возвращение Её» и проводится параллель с предшественниками, а именно с Э. Бронте (анализ женских образов романа «Агнес Грей»).

Целью работы является исследование новаторства женских образов у Р. Хаггарда, их отличия от канона и работ предшественников (в нашем случае – Э. Бронте).

Цель исследования сформировали следующие задачи:

- изучить Викторианскую эпоху с целью конкретизации определения литературного контекста
- исследовать викторианский канон (образ женщины) в культуре и литературе эпохи
- проанализировать романы Р. Хаггарда и Э. Бронте для определения основных характеристик женских образов
- охарактеризовать женские образы и сравнить их

Объектом нашего исследования являются женские образы викторианской Англии, проблематика и особенность их интерпретации, а также обнаруженные нами новые и необычные черты, которые воплотились авторами наперекор установленному канону.

Предметом исследования стали наиболее значимые в идейном и художественном плане романы Р. Хаггарда («Она: История приключения»; «Аэша: Возвращение Ее») и Э. Бронте («Агнес Грей»).

Хронологическими рамками исследования является Викторианская эпоха (с 1831-1901 гг.), но в контексте исследования мы затрагиваем два периода: начальный и поздний, один из анализируемых нами романов был написан в 1905 г., однако объект исследования позволяет расширить хронологические рамки и отнести этот роман к поздневикторианскому периоду. Сравнения произведений начального и позднего этапов позволяет нам проследить развитие и изменение женских образов, а также выявить новаторство автора.

Работа опирается на исследования предшественников. Ранее был рассмотрен первый роман из цикла об Аэше – «Она», второй роман остается практически не изученным. Применялись синхронический, психологический, исторический и феминистический подходы к изучению творчества Р. Хаггарда, в нашем исследовании мы применим компаративистский, диахронический и культурно-исторические методы исследования.

Методологической основой работы послужили труды: 1). Х. С. Фик¹, 2). Б. Мазлиш и М. Синха², 3). С. Винсон и Э. Дж. Нинц³, Н. Ауэрбах и С. Гилберт⁴.

В нашей работе мы продолжим идею Гилберт и Ауэрбах о двойственности женских образов Р. Хаггарда, а также исследуем романы «Она» и «Возвращение Ее» в культурно-историческом аспекте, сравнивая с канонами Викторианской эпохи.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в дальнейшем изучении влияния викторианской литературы на современную, а также в изучении эволюции женского образа и его реализации в современной английской литературе.

Работа также обладает практической значимостью. Анализы и выводы сделанные в ходе написания работы, могут быть использованы на лекциях по зарубежной литературе 19 века, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных викторианской литературе и женским образам в английской литературе.

¹ Herman Styles Ficke “The Source of Rider Haggard’s “She”. В своей статье Фик сравнивает роман Хаггарда «Она» и роман его предшественника, Эдварда Бульвер-Литтона, «Странная история». Он отмечает магическую природу обеих героинь, которых зовут Аэша, делает акцент на бессмертии и магии.

² Bruce Mazlish “A Tryplich: Freud’s The Interpretation of Dreams, Rider Haggard’s She, and Bulwer-Lytton’s The Coming Race” , M. Sinha “Triangular Erotics: The Politics of Masculinity, Imperialism and Big-Game Hunting in Rider Haggard’s “She””. Исследователи рассматривают произведения, анализируя психологические факторы в литературе, в частности, рассматривается влияние Хаггарда на Фрейда, история перверсий и мотивов женоненавистничества в поздневикторианских текстах. Синха заостряет внимание на учение Дарвина и на влияние науки и натурализма на поздневикторианские тексты, роман «Она» рассматривается как торжество мускулинности и мужской силы, где женщине отведена мизерная роль.

³ Steve Vinson “They-Who-Must-Be-Obeyed: Arsake, Rhodopis, , and Tabubue; Ihweret and Charikleia”, Evelyn J. Hinz “Rider Haggard’s “She”: An archetypal “History of Adventure””. Оба исследователя обращаются к античности и древним мифам. Винсон сравнивает образ Аэши и Аменарты с героинями Греко-римской повести «Эфиопская история» и женскими образами их египетского произведения “The First Setne”. Ключевым образом для Винсона становится Исида (Изида), древнеегипетская богиня, идеал женственности и материнства. Также исследователь впервые рассматривает Аэшу как femme fatale, сравнивая ее с роковыми героинями Rhadopis, Arsake и Tabubue. Эвелин Хинз также обращается к древности, но видит в романе Хаггарда «Она» своеобразную мифологизацию европейской истории. Аменарта и Калликарт – прородители европейских народов, начало Европы. Их путешествие циклично, как циклична и история. Хинз, как и Винсон, отмечает схожесть Аэши с древнеегипетской богиней Исидой, а Лео Винцея провозглашает новым Аполлоном.

⁴ Nina Auerbach “Woman and the Demon”, Sandra M. Gilbert “Rider Haggard’s Heart of Darkness”. Феминистский подход к исследованию творчества писателей Викторианской эпохи и, в частности, Г. Р. Хаггарда. Сандра Гилберт рассматривает Аэшу как образ женской власти, который вызывает у мужчин чувство женоненавистничества. Она и разрушитель, и спаситель, она прекрасная женщина, скрывающая внутри монстра, ее страсть отпугивает, но ее чары таят в себе некое очарование. Нина Ауэрбах высказывает схожие мысли. Аэша – это миф о вечной женственности, ангелический демон и демонический ангел, это мужской страх перед образом Новой женщины.

Работа состоит из введения, трех глав (первая посвящена истории и культурному контексту эпохи, две последующие – анализ женских образов в романах Р. Хаггарда и Э. Бронте), заключения и списка использованной в исследовании литературы.

Глава I. Викторианская эпоха как культурно-исторический феномен

1.1. Викторианская эпоха: исторические рамки и характеристика

Викторианской эпохой принято называть период царствования Виктории, королевы Великобритании и Ирландии, императрицы Индии (1837-1901 гг.). По мнению А. А. Долинина, историка литературы и критика: «Викторианская Англия связана с Англией сегодняшнего дня кровными узами, и, не поняв одну, мы рискуем никогда не понять и другую».⁵ Поэтому невероятно важно разобраться в том, что такое Викторианская эпоха, в чем ее особенность и каково ее место в британской истории.

Викторианскую эпоху принято считать эрой процветания и наивысшего пика развития британской истории, ведь под контролем Великобритании находятся огромные территории на всех земных континентах, она производит столько товаров, что за ней не может угнаться ни одна страна мира, начинается рост среднего класса, включавшего в себя не только фермеров и торговцев, но и высокопрофессиональных работников: священников, банкиров, многочисленных юристов, дипломатов, докторов и военных. Однако в 1830-е гг. Британия вступила в полосу очередного экономического кризиса⁶. Упраздняются «гнилые местечки», создаются новые избирательные округа в промышленных городах, повышается значимость роли палаты общин в политической жизни Британии, назревает восстание чартистов. 1840-е гг. были отмечены голодом, массовой эмиграцией ирландцев, восстанием У.С. О'Брайена.

Поэтому Викторианскую эпоху можно условно разделить на три периода: *начальный* (до 1850-х гг.), *1850-1870-е гг.* и *поздний* период (1870-1901 гг.).

Первый период, до начала 1850-х годов, был довольно непростым⁷. Британия столкнулась с рядом серьезнейших внутренних проблем после завершения наполеоновских войн. Британцы полагали, что окончание войн откроет широкие возможности для сбыта накопленных за их время товаров в Европе. Но Европа находилась в состоянии полнейшего разорения, и британская промышленная продукция не находила сбыта. Разразился экономический кризис. Ситуация усугублялась избытком рабочей силы, ведь с войны вернулись 30 тыс. человек, нуждавшихся в трудоустройстве. Протесты против «хлебных»

⁵ Долинин А. Паломничество Чарльза Смитсона [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.library.ru/help/docs/n45850/2.pdf>. – (Дата обращения: 2.04.2017).

⁶ История западноевропейской литературы. XIX век: Англия: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Л.В. Сидорченко, И.И. Булова, А.А. Аствацатуров и др.; Под ред. Л.В. Сидорченко, И.И. Буловой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – С. 21-22.

⁷ Там же

законов, выступления луддитов, жестокое подавление восстаний и принятие законов, оправдывавших насильственные меры против митингующих – картина, характеризующая Британию начала XIX века.

1850-1860 гг. – период высшего процветания и могущества Великобритании. Именно этот временной промежуток тесно связан с понятием «викторианство».⁸ После 1848 г. начался спад рабочего движения, который сопровождался периодом нового подъема буржуазии. В 1847г. Был принят закон, ограничивающий рабочий день женщин и детей (до 10 часов). 1850-е гг. стали периодом наибольшего расцвета британского домонополистического капитализма, характеризующимся ростом дохода предпринимателей за счет колониальной экспансии.

Именно в этот период Викторианская эпоха действительно стала своеобразным золотым веком. Британия занимала господствующее положение на мировом рынке, владела обширными колониями⁹, составлявшими сказочное богатство британской казне, развитое промышленное производство было налажено и работало безотказно. Держава превращалась в крупнейшего торгового монополиста. Наступил расцвет буржуазии, приписывавшей национальные успехи себе самой. Новоиспеченные буржуа стремились упрочить лидерство не только в политике и экономике, но и в области морали, внедряя строгие этические нормы, которые, тем не менее, яростно нарушались. Хотя лицемерные нормы не соблюдались ни аристократией, ни народной массой, все же писатели-викторианцы были вынуждены с ними считаться, так как большинство читающей аудитории составлял «средний класс»¹⁰.

В английской политической жизни установилась двухпартийная система, в результате которой стало происходить чередование консервативной и либеральной системы управления. Для победы на выборах обе партии активно устремлялись «в народ», заложив принципы работы с избирателями, которые актуальны и по сей день. Однако¹¹ эти успехи в демократизации общества не вели к качественному изменению жизни нации.

⁸ Дьяконова Н.Я. Стивенсон и английская литература. – Л.: Изд-во ЛГУ им. Жданова, 1984. – С. 4.

⁹ История западноевропейской литературы. XIX век: Англия: Учеб.пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений/ Л.В. Сидорченко, И.И. Булова, А.А. Аствацатуров и др.; Под ред. Л.В. Сидорченко, И.И. Буровой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – С. 23

¹⁰ Там же

¹¹ История западноевропейской литературы. XIX век: Англия: Учеб.пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений/ Л.В. Сидорченко, И.И. Булова, А.А. Аствацатуров и др.; Под ред. Л.В. Сидорченко, И.И. Буровой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – С. 26-27.

После недолгого периода уверенности во всемогуществе Британии, в светлое и оптимистичное будущее, в общество вновь приходит настроение потерянного равновесия, страх за будущее, ощущение неуверенности в завтрашнем дне. Несмотря на экономические и политические успехи, в обществе начинало царить ощущение бессилия человека перед колоссальным могуществом империи. Так уверенный буржуазный прогресс страны вызывал у некоторых сомнения в возможности изменить что-либо в существующем порядке вещей. На смену дидактизму и желанию обличить пороки общества пришли разочарования, апатия и неверие в возможность познания законов человеческого бытия.

Даже символ прочности и величия Британской империи – Великая выставка 1851 г., вызывала не только восторг, но и осознание бессилия отдельного человека перед колоссом цивилизации. Ф. М. Достоевский, посетивший выставку в Хрустальном дворце, отзывался о ней следующим образом: «...выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тут всех этих бесчисленных людей, пришедших со всего мира в единое стадо; вы сознаете исполинскую мысль, вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа торжества. Вы даже как будто начинаете бояться чего-то. Как бы вы ни были независимы, но вам отчего-то становится страшно. «Уж не это ли, в самом деле, достигнутый идеал? – думаете вы. – Не конец ли тут?...». Все это так торжественно, победно и гордо, что вам начинает дух теснить.... Это какая-то библейская картина, ..., какое-то пророчество из Апокалипсиса, воочию совершающееся»¹².

В течение 1870-х годов¹³, переломных в развитии Британии, мир подходит к рубежу веков. Современники с тревогой наблюдали, что страна перестала развиваться так стремительно и даже начинает заметно отставать от Германии и США, учащаются экономические кризисы.

В общественном сознании происходят сдвиги, становится ясно, что правящие классы не способны справиться с важнейшими задачами – с минимальным обеспечением максимума граждан. «В 1870-е годы ощущение, что высшая точка развития Британии осталась позади и страна быстро катится вниз по наклонной плоскости, заметно усиливается. Экономическая депрессия совпадает с разрушением авторитета¹⁴ политических и религиозных истин, которые в прошлом способствовали стабилизации и объединению страны».

¹² Там же

¹³ Дьяконова Н.Я. Стивенсон и английская литература. – Л.: Изд-во ЛГУ им. Жданова, 1984. – С. 16.

¹⁴ Дьяконова Н.Я. Стивенсон и английская литература. – Ленинград: Издательство ЛГУ им. Жданова, 1984. – с. 13.

Разрушению авторитета способствовало учение Дарвина, новая роль позитивных знаний и развивавшаяся на их основе позитивистская философия. С годами дарвиновская теория эволюции стала использоваться в других целях. С ее помощью внедрялась оптимистическая концепция движения капиталистического общества по пути прогресса, осуществляемого «сильнейшими», наиболее приспособленными не в биологическом, а в социальном смысле¹⁵.

В 1876 году Джон Раскин писал: «Англия в настоящее время бедна, больна и, вполне возможно, как держава скоро исчезнет с лица земли». Затем, более решительно, в 1884 году: «Обрывки прежнего еще существуют, и краткие часы прошлого еще воскресают, но с каждым месяцем мрак все более побеждает день».

Следует также отметить колониальную и внешнюю политику Великобритании. Вторая половина XIX века была также отмечена экспансией на Восток и несколькими войнами в восточных регионах. В 1852 г. Англичане захватили Нижнюю Бирму, в 1856 г. Началась непродолжительная война против Ирана и четырехлетняя война с Китаем. После кровавого подавления восстания сипаев Индия была окончательно покорена. С 1853 по 1856 гг. Британия воевала с Россией, а затем в последующие десятилетия активно контролировала ситуацию на Балканах, не допуская русского влияния.

Индия¹⁶ по праву считалась жемчужиной Британской империи, именно поэтому британское правительство было заинтересовано в улучшении сообщения между метрополией и ее колониями. Приобретя пакет акций на строительство Суэцкого канала, Британия оккупировала Египет (а вскоре после этого и Судан) и держала под контролем Суэцкий канал вплоть до 1956 г. В правительстве бытовали идеи о создании сплошного коридора из подконтрольных территорий в Африке, который соединил бы Египет с мысом Доброй Надежды. Реализация этого плана развязала англо-бурскую войну 1899-1902 гг. В результате этого конфликта погибло около 60 тыс. человек, и несмотря на то, что победу одержали британцы, буры получили самоуправление, а мировое общественное мнение было не на стороне Британии.

Африканские политические проблемы, смелые путешествия Давида Ливингстона в сердце Африки получили отражение и в литературе. Тогда как английским певцом Индии

¹⁵ Там же

¹⁶ История западноевропейской литературы. XIX век: Англия: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений/ Л.В. Сидорченко, И.И. Бурова, А.А. Аствацатуров и др.; Под ред. Л.В. Сидорченко, И.И. Буровой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – С. 30-31

стал Редьярд Киплинг, то тема освоения Африки наиболее полно воплотилась в романах Генри Райдера Хаггарда, творчество которого проникнуто романтикой дальних странствий и оптимистической верой в исключительную цивилизующую миссию британской нации.

Таким образом, за маской благополучия скрывались многочисленные проблемы и трудности, с которыми пришлось столкнуться Великобритании в XIX веке. Быстрое и резкое превращение из аграрной страны в промышленную, всплеск научного интереса и множество научных открытий, бурный рост городов, появление новых рабочих мест, парламентская перестройка, внутренние противоречия, проблемы с Шотландией и Ирландией и масштабная колониальная политика – все эти события происходили и имели место быть в период правления королевы Виктории.

Занимая не самую главную позицию у руля страны¹⁷ (ведь фигура монарха постепенно все больше становилась данью традиции), Виктория, тем не менее, могла влиять на нравы и идеологию своего государства. В викторианскую эпоху экономические, политические, классовые основы общества, моральные принципы и религиозные нормы казались незыблемыми. Материальные успехи, достигнутые благодаря техническому прогрессу и индустриализации, ловкой политической игре внутри страны и за ее пределами, подчинение менее развитых народов, создавали уверенность в превосходстве Британии над окружающим миром. Порожденные такой уверенностью самодовольство, нетерпимость, фарисейство прочно ассоциируются с понятием «викторианство», а также с образом самой королевы, лишенной чувства юмора, твердо верившей в непреложность своих моральных критериев для «ее» королевства (а с 1876 года – «ее» империи).

Именно поэтому стоит сказать несколько слов о викторианской морали и викторианских нормах.

1. 2. Викторианская мораль

Викторианская мораль – термин, обозначающий совокупность моральных ценностей, которых придерживались люди, жившие во время правления королевы Виктории. Особенно он характеризует общую атмосферу, царившую в Великобритании в XIX веке. Большинство моральных устоев были направлены на подавление сексуальности, жесткому следованию

¹⁷ Дьяконова Н.Я. Стивенсон и английская литература. – Л.: Изд-во ЛГУ им. Жданова, 1984. – С.5

кодексу поведения, а также основывались на сильнейшей этике и полнейшей нетерпимости к нарушению правил поведения¹⁸.

История викторианской морали, в действительности, начинается не с Виктории, но уходит корнями в XVII век, когда британская монархия была свергнута, а к власти пришли пуритане-республиканцы. Во время республиканского режима в Великобритании был избран курс на всевозможные ограничения и упразднение вольных нравов населения страны (даже празднование Рождества было под запретом). Однако после восстановления монархии в страну вновь вернулись веселье, свобода и раскрепощенность. Пуританство и либерализм – противоречивые течения, но именно они повлияли на британский менталитет более всего. Предшествующее Виктории поколение Ганноверов оставило не самый приятный след на моральном облике страны. Так король Георг IV, к примеру, прослыл плейбоем, искателем удовольствий и скандалистом, после себя он оставил огромные долги. Дядя Виктории, Вильгельм IV всю свою жизнь состоял в фактическом браке с актрисой и имел 10 незаконнорожденных детей.

Когда Виктория унаследовала трон, в сознании у британцев высокие моральные устои и свободолюбивая вульгарность были тесно переплетены.¹⁹ Ей предстояла огромная моральная работа, ведь после нескольких веков распутства в стране в качестве ответной реакции установилась полнейшая сдержанность.

Виктория и Альберт стали символом идеального брака и счастливого супружества. Брак по любви, где оба партнера могли бы обогащать друг друга в течение совместной жизни, стал возможным и даже желаемым. Виктория выбрала супруга не только исходя из рекомендаций и пожеланий своего дядюшки Леопольда, но и по велению сердца. Виктория и принц Альберт поженились 10 февраля 1840 года, будучи совсем молодыми людьми (обоим было 20 лет). Супруги души не чаяли друг в друге и жили душа в душу, однако им пришлось столкнуться с несколькими проблемами. Одной из них было положение Виктории: как правительница, она имела иные права и обязанности по сравнению с поданными, ей не нужно было подчиняться воле мужа. Более того, занимая более высокое положение, Виктория сама сделала предложение Альберту. Его специфичное положение вызвало немало споров и скандалов. Одна из них привела к тому, что Альберт закрылся в комнате и

¹⁸ Introduction into Victorian Morality – What exactly was the Victorian Era? [Электронный ресурс] . – URL: <http://www.laura-cenicola.de/brithist2/brithist/8-1-introduction-into-victorian-morality-what-exactly-was-the-victorian-era.html>. – (Дата обращения: 02.04.2017).

¹⁹ Там же

отказывался отвечать Виктории. Когда она стала стучаться в дверь, на вопрос Альберта – «Кто там?» она ответила – «Королева Англии». Он дверь не открыл и на просьбы Виктории не ответил. Она продолжила стучать, и на его повторный вопрос – «Кто там?» она покорно ответила – «Твоя жена», и только тогда принц Альберт открыл дверь и поставил королеве свои условия.²⁰ Так правительница нации сама оказалась в подчиненном положении, которое, впрочем, ее вполне устраивало. Несмотря на все противоречия, их союз стал примерным браком²¹, а Виктории удалось воплотить в нем английские семейные ценности: любовь и взаимоуважение, порядочность и заботу о ближнем.

Крылатая фраза «Нам не смешно» («We are not amused») хорошо передает чопорность Виктории и ее приверженность к крайне узким понятиям о приличии и нормах поведения. Виктория отвергала прогрессивные реформы, затрагивавшие положение женщин. Так, к примеру, она противилась получению женщинами медицинского образования. Несмотря на то, что она была лицом страны, правящей особой, она сообщала своему премьер-министру следующее: «Королева сама является женщиной и знает, какую аномалию представляет ее собственное положение... Но опрокинуть барьеры, ограждающие женщину, и позволить ей вместе с мужчинами изучать то, что в ее присутствии даже и произносить нельзя, – значит нарушить законы морали. Пусть женщина остается тем, чем Бог назначил ей быть – помощницей мужчины»²².

Сара Стикни Эллис в книге «Женщины Англии» (1839 г.) написала следующее: «Наиболее достойным женским качествам соответствуют другие вопросы. Как мне лучше всего распорядиться своим временем, силами и средствами, дабы принести наибольшую пользу? Если кто-то болен, я должна тотчас посетить его комнату и окружить его атмосферой заботы, обратив внимание на такие мелочи, о которых, возможно, позабыла усталая сиделка. Если кто-то собирается в путешествие, я должна распорядиться о раннем завтраке или же приготовить его сама, не тревожа служанку, работавшую допоздна. Не забыла ли я оказать кому-то из домашних любезность, не обидела ли их? Если так, то сегодня утром я сердечно поприветствую их и покажу им со всей деликатностью, как я раскаиваюсь в своем

²⁰ Диттрич Т. Повседневная жизнь викторианской Англии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulit.me/books/povsednevnyaya-zhizn-viktorianskoj-anglii-read-267616-2.html>. – (Дата обращения: 02.04. 2017).

²¹ Гриндберг К., Коути К. Женщина Викторианской Англии: От идеала до порока [Электронный ресурс]. – URL: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1024184/Kouti_-_Zhenschiny_viktorianskoj_Anglii_ot_ideal_a_do_poroka.html. – (Дата обращения: 02.04.2017).

²² Дьяконова Н.Я. Стивенсон и английская литература. – Л.: Изд-во ЛГУ им. Жданова, 1984. – С. 5.

проступке...».²³ Бескорыстная доброта легла в основу женского идеала на протяжении всей Викторианской эпохи. Девушку сравнивали с «домашним ангелом» или плющом, поддерживающим могучий дуб.

Выражение «домашний ангел» и стало определяющим викторианское супружество термином. Впервые он появился в одноименной поэме К. Пэтмора, в которой встречались мысли о том, что угождать мужчине – это великое удовольствие для женщины. Сама же С. Эллис советовала англичанкам терпеливо сносить отсутствие мужей²⁴, занятых более важными делами, и создавать тепло домашнего очага.

Помимо этого, с приходом к власти Виктории трезвость, пунктуальность, трудолюбие, экономность и хозяйственность стали наиболее ценными качествами. Королева подавала живой пример: подчиненная долгу и семье, разумная и практичная жизнь разительно отличалась от жизни ее предшественников. Большая часть аристократии, а за ней и средний класс, отказалась от роскоши, уступив разумности и экономичности.

Скупость распространялась не только на экономическую, но и на общественную жизнь. Жесточайшему контролю подлежали движения, жесты, тембр голоса, темы для разговоров и поведение в целом. Живой и открытый человек совершенно не вписывался в викторианскую систему ценностей. Существовал канон, которому следовало соответствовать. Соответственно, лицемерие считалось не только допустимым, но даже вполне приветствовалось²⁵. Человек, считавшийся воспитанным, не должен был говорить то, что он думал, рыдать, если ему было грустно, ему следовало улыбаться, расточать любезности даже тем, кто был неприятен. Другим людям должно было быть уютно и комфортно в обществе. Даже дома викторианцам приходилось носить своеобразную маску, которую разрешалась сдвинуть лишь чуть-чуть.

В викторианской Англии не только внутренний мир был за семью печатями, наготу не терпели не при каких обстоятельствах. Женщинам не разрешалось показывать декольте и ноги, платья должны были скрывать абсолютно все²⁶. Не допускалась и интерьерная нагота:

²³ Гриндберг К., Коути К. Женщина Викторианской Англии: От идеала до порока [Электронный ресурс]. – URL: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1024184/Kouti_-_Zhenschiny_viktorianskoj_Anglii_ot_ideala_do_poroka.html. – (Дата обращения: 02.04.2017).

²⁴ Там же

²⁵ Диттрич Т. Повседневная жизнь викторианской Англии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulit.me/books/povsednevnyaya-zhizn-viktorianskoj-anglii-read-267616-2.html>. – (Дата обращения: 02.04. 2017).

²⁶ Диттрич Т. Повседневная жизнь викторианской Англии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulit.me/books/povsednevnyaya-zhizn-viktorianskoj-anglii-read-267616-2.html>. – (Дата обращения: 02.04. 2017).

стены были завешаны гравюрами, декоративными тарелками, мебель была закрыта покрывалами, полы – коврами, даже если где-то проскальзывала голая стена, она была обклеена обоями с цветами или каким-либо рисунком.

В отношениях между мужчиной и женщиной также существовали определенные нормы и запреты. Слово любовь было табуированным, вместо него использовали выражения: «Могу ли я надеяться» с ответом «Я должна подумать». Открытые симпатии были запрещены. Флиртующая и кокетничающая девушка порицалась, о ней говорили: «Она легкого поведения», хотя весь грех ее заключался в том, что она была естественна, весела и не скрывала своего расположения. Английская писательница Шарлотта Мэри Иондж писала в своем дневнике²⁷: «Мне было очень тяжело в возрасте между двенадцатью и двадцатью четырьмя годами. Я так сильно чувствовала несправедливость, что должна была практически убить себя в себе... замкнувшись, закрыть лучшую часть в холодный железный ящик и сохранить собственную душу в молчании».

Одним из знаков симпатии считалось разрешение молодому человеку нести молитвенник девушки по возвращению с богослужения. Таким образом, ухаживания были публичными, девушке не полагалось оставаться наедине с мужчиной, они состояли из светских бесед, символических жестов и знаков²⁸. Девушка считалась скомпрометированной, если ненадолго оставалась наедине с мужчиной, не имевшим официальных и серьезных на нее намерений. Иногда эти моральные запреты доходили до абсурда: пожилой вдовец и его незамужняя дочь не могли находиться вдвоем в доме, им приходилось либо искать разные жилища, либо нанимать компаньонку. Но даже после заключения брака супругов ждал другой свод правил: им запрещались любые проявления интимной игривости, поэтому при посторонних им следовало обращаться к друг другу как «Мистер..» и «Миссис..».

1.3. Положение женщины в Викторианской эпохе

Положение женщины в викторианской Англии было не самое завидное. По закону она не рассматривалась отдельно от своего мужа, более того, все ее состояние считалось после заключения брака состоянием супруга. При этом наследовать ничего женщина не могла.

²⁷ Диттрич Т. Повседневная жизнь викторианской Англии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulit.me/books/povsednevnyaya-zhizn-viktorianskoj-anglii-read-267616-2.html>. – (Дата обращения: 02.04. 2017).

²⁸ Гриндберг К., Коути К. Женщина Викторианской Англии: От идеала до порока [Электронный ресурс]. – URL: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1024184/Kouti_-_Zhenschiny_viktorianskoy_Anglii_ot_ideala_do_poroka.html. – (Дата обращения: 02.04.2017).

Любые финансовые решения женщина должна была принимать лишь с согласия своего мужа, если ей необходимо было работать, чтобы прожить, то для женщины среднего класса и выше существовал ограниченный спектр профессий (гувернантка или компаньонка). С рождения девочек учили подчиняться воле мужа, терпеть все его недостатки (пьянство, распутство, пристрастие к азартным играм, разорение семьи). Воспитанием девочек занимались матери или гувернантки, а сыновей воспитывали отцы.

Развод был также щекотливым вопросом.²⁹ В целом британские женщины считались юридически неполноценными гражданами страны: их права на наследие и владение имуществом были ограничены, развод был практически невозможен. Процедура расторжения брака предоставляла множество преимуществ мужчинам, и за 200 лет парламент одобрил только четыре иска жительниц Великобритании. Получить его было практически невозможно, а после него женщина была бы изгнана из приличного общества. До 1857 года развод в Англии был невероятно сложной и дорогой процедурой и включал в себя несколько этапов. Вначале супруги, желавшие получить развод, подавали в церковный суд ходатайство о раздельном проживании, тогда муж мог бы покинуть дом. Однако раздельное проживание разводом не считалось, ведь формально мужчина и женщина все еще состояли в браке, а потому не могли жениться или выйти замуж повторно. При раздельном проживании также муж был обязан выплачивать женщине ежегодное пособие.

Измена была самой популярной причиной развода, однако далеко не всегда удавалось получить развод по этой причине. Если измена происходила со стороны женщины, то мужчине было достаточно найти двух свидетелей и оплатить судебные издержки. В случае мужского адюльтера самого факта измены было недостаточно, нужны были отягчающие обстоятельства, например, инцест³⁰. В редчайших случаях брак мог быть аннулирован в виду того, что он не был настоящим. Основной причиной была невозможность исполнения супружеского долга (импотенция мужчины).

Главой семьи всегда был мужчина. Удел женщины был создавать в доме уют и атмосферу комфорта и тепла, чтобы мужчине хотелось туда возвращаться. Женщинам приходилось очень много работать, даже если у них и были домашние слуги. Мытье окон,

²⁹ Там же

³⁰ Гриндберг К., Коути К. Женщина Викторианской Англии: От идеала до порока [Электронный ресурс]. – URL: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1024184/Kouti_-_Zhenschiny_viktorianskoy_Anglii_ot_ideala_do_poroka.html. – (Дата обращения: 02.04.2017).

заготовка овощей и фруктов, пошив занавесок и одежды для близких, - все это приходилось делать многим викторианкам, однако ни одна из них не могла сказать о своей усталости и работе, так как это бы уронило ее в глазах общества. Мужчины же считали, что женщины предпочитают проводить все свое время дома оттого, что он уютен, в действительности же женщины могли бы поспорить с этим³¹.

«Во главе средней викторианской семьи стоит патриарх, который поздно женился на девственной невесте. Он имеет редкие и сдержанные половые отношения со своей женой, которая, истощенная постоянными родами и невзгодами брака с таким тяжелым человеком, проводит большую часть своего времени лежа на диване. Перед завтраком он устраивает продолжительные семейные молитвы, для укрепления дисциплины порет розгами своих сыновей, насколько возможно держит дочерей необученными и ни о чем неосведомленными, выгоняет беременных горничных без оплаты и рекомендаций, тайно содержит любовницу в каком-нибудь тихом заведении и, вероятно, посещает малолетних проституток. Женщина же поглощена заботами о хозяйстве и детях, а когда муж ожидает от нее исполнения супружеских обязанностей, «ложится на спину, закрывает глаза и думает об Англии» - ведь больше от нее ничего не требуется, ибо «леди не двигаются»³²

Эта ироничная цитата очень точно показывает положение женщины как в обществе, так и в семье. Домашний ангел, заботливый, хозяйственный и безэмоциональный.

Такая жесткая система моральных норм и правил поведения приводила в тупик многих, кто желал устроить свое личное счастье. В следствие этого, около 40% англичанок «среднего класса» Викторианской эпохи предпочитали оставаться незамужними. Более того, демографическая ситуация в стране также не играла женщинам на руку. Вторая половина XIX века (1870 годы). Изменения демографической ситуации. Была высокой мужская смертность, а также шла активная эмиграция мужчин брачного возраста, поэтому женщины оставались в большинстве. Замужество для викторианских женщин становилось серьезной проблемой, в особенности для представительниц средних слоев. К 1870 г. Из каждой 1000 женщин в возрасте от 20 до 25 лет 652 оставались незамужними, а к 1901г. Эта цифра

³¹ Диттрич Т. Повседневная жизнь викторианской Англии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulit.me/books/povsednevnyaya-zhizn-viktorianskoj-anglii-read-267616-2.html>. – (Дата обращения: 02.04. 2017).

³² Чернов С. Почему у Доктора Уотсона не было детей? [Электронный ресурс]. – URL: <http://svetozarchernov.221b.ru/books/childbearing.pdf>. – (Дата обращения: 02.04.2017)

возросла до 726³³. Неслучайно одним из женских образов викторианской Англии стала старая дева, которых наблюдалось действительно много.

Именно поэтому во второй половине XIX века зарождается феминистическое движение. Феминистское движение в XIX веке составляли в основном представительницы средних классов. Женщины рабочего класса, в силу двойного бремени семьи и тяжелой работы на производстве, оставались относительно пассивными. Знатные и состоятельные женщины предпочитали оставаться под покровительством мужчин. Первых феминисток (суфражисток или суфражеток) волновали проблемы, с которыми приходилось сталкиваться одиноким женщинам, а также различные аспекты положения англичанок в браке³⁴. Они требовали допустить женщин к высшему и профессиональному образованию, рассмотрение реформы о гарантиях частной собственности англичанок, расширении их юридических прав, пресечении насилия в семье, защите материнства. Затем к этим требованиям присоединилось желание иметь право голоса на выборах и политическое равноправие с мужчинами.

Аргументации суфражисток строились вокруг модели женственности, сочетавшей в себе викторианские представления о врожденной высокой нравственности женщины, ее скромности и заботливости, а также ее интеллекте и личной независимости. Как более законопослушные и добросовестные, чем мужчины, более чувствительные и благородные от природы, женщины, по мнению феминисток, созданы для более активной общественной деятельности. Британские суфражистки³⁵ противопоставляли свою философию идеям английских феминистов старшего поколения, считавших разум и интеллект, способность рационально мыслить – качества, традиционно описываемые как «мужские», - высшими человеческими достоинствами, к которым должны стремиться женщины.

1.4. Литература Викторианской эпохи

Викторианство – своеобразный культурный феномен, в русле которого развивался английский национальный характер. Викторианской литературе свойственен дидактизм, апеллирование к нравственным категориям, влияние политики, экономики, социологии, философии того времени. XIX век – эпоха расцвета романа и реализма, однако наравне с

³³ Новикова Н. В. Суфражистки и суфражетки: идеология и политика британского феминистического движения в начале XX в. // Женщины в истории: возможность быть увиденными. – Минск: БГПУ имени Маскима Танка, 2001. – С. 155-159.

³⁴ Там же

³⁵ Новикова Н. В. Суфражистки и суфражетки: идеология и политика британского феминистического движения в начале XX в. // Женщины в истории: возможность быть увиденными. – Минск: БГПУ имени Маскима Танка, 2001. – С. 174.

реализмом существовали и другие жанры. Яркие литературные представители эпохи (Ч. Диккенс, сестры Бронте, Э. Гаскел) внесли в реалистическую структуру повествования символику и метафору, элементы театра, пародии, сатиры, бурлеска и пантомимы.

Литературу Викторианской эпохи можно условно разделить на три периода³⁶:

- 1830-1840 гг. (Ранний период)

Доминирующим жанром этого периода является роман. В нем описывалась жизнь людей из среднего класса. Очень часто огромные романы делились на главы и издавались в газетах, что позволяло сделать их доступными и для людей низших слоев населения. Известные писатели этого периода: Ч. Диккенс, сестры Бронте, Э. Гаскел, У. Теккерей.

- 1848-1870 гг. (Промежуточный период)

Движение так называемого братства «Прерафаэлитов». В 1848 г. Данте Габриэль Россетти основал кружок единомышленников, целью которых было вернуть картинам простоту, правдивость и приверженность религии. Д. Г. Россетти также писал стихи, на которых отразилась его философия. Его литературный кружок перенес идеи искусства в стихотворные произведения.

- 1870-1901 гг. (Поздний период)

Этот период совпадает с синдромом рубежа веков, это не только и не столько викторианская литература, сколько произведения *fin de siècle*, со своими особенностями и своей философией. Это период эстетизма, декаданса и неромантизма. Оскар Уайльд и другие авторы, придерживающиеся первых двух течений, настаивали на экспериментах и считали, что искусство выступает категорически против «естественных» норм морали. Также известные писатели этого времени Роберт Стивенсон, Редьярд Киплинг, Артур Конан Дойль, Г. Р. Хаггард.

Викторианская эпоха в литературе начинается с реализма³⁷. Реалистическое искусство в Англии можно считать своеобразной реакцией на романтическую свободную игру воображения. Искусство реализма было направлено на осмысление обыкновенного человека, не обладающего как традиционных героических качеств, так и возможностей их проявлять.

³⁶ Английская литература (периодизация с рассвета до наших дней) [Электронный ресурс]. – URL: <http://englishstory.ru/english-literature.html>. – (Дата обращения: 02.04.2017).

³⁷ История западноевропейской литературы. XIX век: Англия: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Л.В. Сидорченко, И.И. Бурова, А.А. Аствацатуров и др.; Под ред. Л.В. Сидорченко, И.И. Буровой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – С.5

Английский реализм XIX века стал преемником традиций литературы Просвещения. От нее заимствуется концепция социальной детерминированности человека, однако, новое поколение реалистов не может не считаться с более поздним опытом литературной традиции и перенимает у романтиков идею детерминированности личности современной ей исторической обстановкой, а также психическими свойствами личности. Следует, однако, отметить, что реализм и романтизм сосуществовали в английской литературе 19 века параллельно. Романтизм главенствовал в начале столетия, в Викторианскую эпоху большую актуальность приобрело искусство реализма.

В английской литературе с ее протестанско-пуританскими традициями заметна тенденция к морализации, при которой зло неминуемо должно быть наказано в финале. В реалистической эстетике на смену концепции романтического двоемирия приходит диалектический подход к жизненным фактам, стремление видеть в реальности как отрицательные, так и положительные стороны. Реалистическая литература Викторианской Англии часто называется критической (понятие критического реализма). С одной стороны, это направление роднит реалистов с романтиками, питавшими отвращение к современной действительности, неверными нравственными критериями. С другой стороны, реалисты испытали влияние философии позитивизма, а также не могли не заметить исторические события, лишавшие иллюзий возможности быстрого и эффективного изменения жизненного уклада³⁸. Викторианская эпоха внесла и свои коррективы. Было наложено табу на изображение человека как биологического существа, невозможны сцены, изображающие откровенный физиологический акт. Несмотря на жесткую табуированность и шаблонность, среди английских писателей были те, кто отчасти следовал французской школе натурализма (в частности, Золя), так судьбы героев произведений Джордж Элиот, Артура Моррисона, Томаса Харди определены неким роковым стечением обстоятельств. Диктат среды неумолим, жизнью человека управляет слепая воля, судьба, некая иррациональная сила. Тем не менее, этим писателям не свойственна жесткая установка на «научную» фиксацию фактов, в их творчестве ярко выражены аналитические тенденции, характеризуется картина общества и личности в нем, что сближает авторов с реалистами XIX века.

На английский реализм огромное влияние оказали труды современных философов-позитивистов, таких как: Герберт Спенсер, Джордж Генри Льюис, а также труды об эволюции Чарльза Дарвина. Теории Дарвина были приняты неоднозначно, но все же

³⁸ Там же

воодушевили многих викторианцев. Теперь, когда человечество узнало об эволюции, прогрессе и возможности его ускорить, общество должно бы было развиваться быстрее, что вселяло оптимизм. Викторианцы верили, что путем грандиозных реформ можно исправить ошибки и недостатки своего века. Прогресс может быть достигнут при помощи усовершенствования отдельной личности. Так, идея движения и постоянного развития, предложенная Дарвином, оказала серьезное влияние на мыслителей и писателей 19 века.

Герберт Спенсер, к примеру, выдвинул концепцию общества как единого биологического организма, сравнив различные классы с органами, и доказывал, что общественное благополучие в целом зависит от правильной работы отдельных органов и гармонического соответствия между ними. Подобная теория оправдывала неизбежность классового и расового неравенства. Философскую основу его учения составляет мысль о том, что мир делится на познаваемый (явления) и непознаваемый (сущности). Непознаваемая человеческим сознанием сущность является причиной всех явлений, а основу мира, по мнению Спенсера, составляет эволюция.

Следуя своему учению, он воспринимает развитие общества³⁹ он как процесс концентрации, что проявляется в интеграции (растущем объединении). В силу этого человечество становится единым, преодолевая различие между народами путем подчинения слабых сильными, а различие между классами – путем подчинения рабочих людей – правящими.

Спенсер также полагал, что у народов, стоящих на высоком уровне развития, нервная система более сложная и головной мозг больше. Из этого следует, что прогресс подразумевает растущую иерархию, общественную, политическую, религиозную.

Идеи социал-дарвинистов нашли отражение в творчестве писателей-натуралистов (Джордж Гиссинг, ранний Джордж Мур, Артур Моррисон), однако, это литературное течение не было столь популярным в Англии, как во Франции. Натуралистическому направлению в литературе последней трети века противостояло эстетское движение. Предвестниками его стали художники прерафаэлиты, в конце 1840-х годов возмущившиеся отражением вкусов преуспевающего буржуа в академическом искусстве. Они были вдохновлены⁴⁰ дорафаэлевской живописью, рисовали интимные, камерные и лирические картины. Эстеты же выдвигали на первый план искусство. Утилитарная мораль буржуа оборачивалась для них

³⁹ Дьяконова Н.Я. Стивенсон и английская литература. – Л.: Изд-во ЛГУ им. Жданова, 1984. – С. 25-26

⁴⁰ Дьяконова Н.Я. Стивенсон и английская литература. – Л.: Изд-во ЛГУ им. Жданова, 1984. – С. 28

тривиальностью. Реакцией эстетов против нее было выключение сферы морали из искусства и утверждение, что в нем важна только красивая форма.

Критик, публицист Мэтью Арнольд⁴¹ возмущался самодовольством печати. Он осуждал умственную леность буржуа, его боязнь отступить от пошлости установленного, стремление «почтить» на старой соломе привычек, особенно интеллектуальных, даже тогда, когда солома эта не отличается ни чистотой, ни тонкостью.

И все ж творческое направление литературы Викторианской эпохи составляет не только критический реализм, но и так называемый неоромантизм, а также эстетизм и декаданс. Викторианская мораль, подавление естественных инстинктов, культурные и политические изменения второй половины и конца XIX века побуждают авторов предпринять попытки отвлечься от суровой действительности. Все эти события могут объяснить безысходно-трагические настроения в работах писателей последнего десятилетия 19 века. Зачастую в повествовании личность сталкивается с косным викторианским обществом, звучит тема разлада человека со средой, к которой он принадлежит. Это ощущение трагизма побуждало писателей второй половины XIX века искать успокоение от социальных проблем и конфликтов в иной среде. Появляется интерес к загадочному и необычному, особенно это заметно в творчестве писателей – неоромантиков. Владения Британской империи лежали по всему свету, поэтому шло активное расселение британцев по многочисленным колониям. Писатели-колониалисты делали темами своих произведений Индию, Ближний Восток, Африку.

1870-е годы⁴² стали переломным периодом не только в истории, но и в литературе Британии. Классический реализм ушел со сцены вместе с его представителями (Диккенсом, Теккереем, Гаскелл, сестрами Бронте), на его место пришел психологический и социальный реализм (в лице Джордж Элиот, Томаса Гарди). В своем творчестве все они опирались на быстро развивающуюся естественнонаучную мысль эпохи, на успехи биологии и основанное на ней понимание физиологической основы психики. Они ратовали за научное объяснение Вселенной, за философию, основанную на позитивных знаниях. Они анализировали поведение и характер человеческой природы, исходя из законов самой природы, а не из предписанных религией и церковью представлений.

⁴¹ Там же

⁴² Дьяконова Н.Я. Стивенсон и английская литература. – Л.: Изд-во ЛГУ им. Жданова, 1984. – С. 30-31.

Из этих попыток рождается специфичное литературное направление – неромантизм. Оно представляет синтез романтической и реалистической эстетики. Неромантики объединены неприязнью к приземленным героям, которым противопоставляются мужественные, отважные герои, раскрывающие свои качества в необычных и опасных приключениях. Иногда герой действует в исключительных обстоятельствах, однако поступки его всегда реалистически мотивированы и психологически обусловлены.

Писатели второй половины XIX века были последователями романтиков лишь в той мере, в какой замечательные их открытия проложили путь для дальнейшего развития литературы. Они избавили ее от условностей и ограничений, сосредоточили внимание на конкретном, индивидуальном, исторически детерминированном, установили новые законы эмоционально-художественного познания реальности. Тем не менее, различий между ними больше, чем сходств. Романтизм был порожден эпохой великих революций (экономических, политических, философских). Литературное движение рубежа веков отражает эпоху «великих» компромиссов, которые привели писателей к постепенному примирению с действительностью. Романтики⁴³ восставали против материализма просветителей, но оставались верны их освободительным идеям. Писатели позднего викторианства, осуждая материализм ползитивистов, могли опираться лишь на эпигонские идеалистические теории. Романтики жаждали знать, стремились познать сердцевину вещей. Авторы конца эпохи не ставили перед собой цель тотального познания, они испытали влияние не только романтизма, но и реализма. В то время как творчество романтиков было пронизано трагическим, иконоборческим духом, представителей рубежа веков воспитала эпоха, культивировавшая осторожность, умеренность и искусство политической игры.

Поэтому есть смысл говорить о неоромантизме. В их ряды относят Теннисона, Браунинга, Суинберна, Морриса, Пейтера, Уайльда, Стивенсона, Киплинга и Конрада.

А.А. Аникст считал неоромантиком одного Стивенсона, М.В. Урнов – Стивенсона и Конрада, Г.В. Аникин и Н.П. Михальская – Стивенсона, Конан Дойля и Конрада⁴⁴.

Таким образом, литературный процесс в Англии XIX в. Можно охарактеризовать взаимопроникновением и взаимоотталкиванием элементов нескольких литературных направлений. Именно поэтому следует рассматривать творчество отдельных авторов как эстетически переходные явления.

⁴³ Дьяконова Н.Я. Стивенсон и английская литература. – Л.: Изд-во ЛГУ им. Жданова, 1984. – С. 189-190

⁴⁴ Дьяконова Н.Я. Стивенсон и английская литература. – Л.: Изд-во ЛГУ им. Жданова, 1984. – С. 188

1.5. Женский образ в английской литературе

«Домашний ангел» из реальной жизни переходил и в литературную. В произведениях, написанных мужчинами, создавалась идеализация женского образа. Среди героинь Ч. Диккенса можно встретить множество каноничных добродетельных и пассивных девушек из разных общественных классов (Флоренс Домби, Агнесс, Роз Мейли)⁴⁵. Некоторые авторы добавляли некую особенность своим героиням, чтобы избавить их от стереотипизации, так, к примеру, женские образы Т. Гарди, У. Теккерея являются своеобразным воплощением охотницами за женихами и положительными добродетельными героинями. Но все же сюжет каждый раз завершается награждением добродетели и наказанием порока.

Произведения, написанные женщинами, более правдоподобны, в них тема семьи и замужества выдвигается на первый план⁴⁶. Шарлотта Бронте пишет своей подруге: «Он тебе противен сейчас, ты испытываешь к нему отвращение, это вполне понятно. Но ты должна помнить, что ты его совсем не знаешь. И потом, мне кажется, что ты никогда не полюбишь никого до свадьбы. После того как церемония закончится и все устроится, ты начнешь привыкать к этому существу... и вполне возможно, что ты станешь ласковой и привязанной женой, даже если индивидуум не оправдает всех твоих ожиданий».

Во многих книгах этого периода показаны образы идеальной женщины, которая каждый раз, когда ей казалось, что муж невнимателен к ней и проводит все свободное время в клубе или еще где-нибудь, не обижается, а вместо этого, глубоко вздыхает и отогнав неправильные мысли, думает: «Главная моя задача – сделать всех в доме счастливыми!»

К сожалению, в викторианской Англии женщинам часто приходилось приносить себя в жертву и допускать, чтобы ими пользовались, однако (что самое невероятное), в большинстве случаев женщины жертвами себя не ощущали. Неспроста⁴⁷ в книге по этикету всегда был совет о том, что не следует много читать. Зачем нужна умная жена, если муж все равно не желал выслушивать ее мнение.

С появлением женского движения в литературу начал проникать образ так называемой Новой женщины, самостоятельной и независимой.

⁴⁵ Хабибуллина Л. Ф. Женский национальный тип в английской литературе XIX века [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhenskiy-natsionalnyy-tip-v-angliyskoy-literature-xix-veka>. – (Дата обращения: 02.04.2017).

⁴⁶ Там же

⁴⁷ Диттрич Т. Повседневная жизнь викторианской Англии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulit.me/books/povsednevnaya-zhizn-viktorianskoj-anglii-read-267616-2.html>. – (Дата обращения: 02.04. 2017).

Также обратными сторонами «домашнего ангела» становились сумасшедшие женщины и старые девы⁴⁸. Женщины, сочетающие в себе черты ангела и демона (как, например, старая дева или падшая женщина) были довольно далеки от идеального образа, которому поклонялись викторианцы. Их идеалом был образец самоотверженности, она может играть лишь три роли: дочь, жена и мать. Но и были и другие образы. Демон в виде ангела становился силой, приносящей изменения, творческие порывы, нечто новое, сбрасывающее маску покорности, утверждая новые порядки. Старая дева лишь притворяется мягкой и покладистой, но в действительности утверждает, что мир в ее подчинении. Падшая женщина решительно отвергает покорность ради прославления собственного торжества. И постепенно эти образы начали проникать в работы писателей как второго, так и первого эшелона.

Как можно объяснить это отклонение от общепринятого женского образца самопожертвенности? Что могут рассказать эти эгоистичные и изолированные образы о каноничной женщине, не имеющей другой жизни за пределами семьи? Активная и подвижная женщина – это обратная сторона медали канонического самоотверженного образа; демон с лицом ангела родился из домашнего ангела. Как заметил М.К. Кингстон⁴⁹: «Возможно, однажды женщины стали настолько опасны, что пришлось заключить их в оковы». Как писатели-феминисты, так и не феминисты видели эти оковы на женщинах, но не чувствовали опасность источника этих оков. Таким образом, восприятие силы не отделимо от желания ее подавить.

Репрессивность Викторианской культуры породила как образ идеальной женщины, женщина ангела, терпеливой и неприметной, так и пугающий миф о демоне, поддавшемся своим страстям. Бессмертная и своенравная фигура королевы, сочетающая в себе опасность и самоуничтожение, власть и покорность, стала ключевой. Отношение Виктории к женственности ее пола совпадало с официальной идеологией, но, тем не менее, ее преображенный и легендарный образ невольно задал тон викторианской эпохе. Высказывание о Елизаветинской эпохе на удивление звучит более подходящим Викторианской: «Правящая женщина – это пробуждение феминизма, поскольку ее положение вынуждает мужчин задавать вопросы о соотношении женственности и власти». В Викторианскую эпоху отношение между женственностью и властью было диалектическим

⁴⁸ Auerbach N. *Woman and the Demon*. – Cambridge: Harvard University Press, 1982. – P. 185-186.

⁴⁹ Там же

(особенно ближе к рубежу веков), противоречивым, это отразилось не только на общественной жизни, но и на искусстве, литературе и философии.

Выводы по I главе

Викторианская эпоха, противоречивая, неоднозначная, занимает особое место в истории Великобритании. Это и исторический, и культурный феномен, оказавший влияние на общественную, политическую и литературную жизнь британцев.

Викторианскую эпоху можно разделить на три периода, наиболее процветающим и спокойным из которых был промежуточный (с 1850-1870 гг.). Из аграрной страны Великобритания превратилась в промышленную мощную державу, настоящую империю. Правление Виктории ознаменовалось обретением новых социальных функций, всплеском научного интереса, многочисленными научными открытиями и возвышением среднего класса. Венцом величия Британской империи стала Великая выставка (1851 г.), которую посетили не только британцы, но и представители других стран.

Однако Викторианская эпоха была не только золотым веком, но и временем противоречий и разочарований. Научный прогресс постепенно подрывал истинность библейских ценностей, зародил сомнения в душах викторианцев. После 70-х годов наблюдается приостановление бурного индустриального развития, британцы с грустью осознают, что страна постепенно уступает лидирующее место Германии и США. Колониальная политика страны требовала дополнительных денежных вложений, а конец века ознаменовался «переделом Африки» и поддержкой Османской империи в войне с Россией. Помимо внешних политических затруднений Великобританию терзала нестабильная ситуация в Ирландии и Шотландии.

Тем не менее, Викторианская эпоха стала символом могущества Великобритании. Это отразилось и в философии, и в искусстве, и в литературе.

Викторианская эпоха породила викторианскую мораль – совокупность ценностей, которых придерживалась сама королева Виктория и ее подданные. Поведение британцев подвергалось жесткой регламентации, эмоции, чувства и желания постоянно подавлялись, а естественность и природная веселость были недопустимы. Викторианская мораль часто критиковалась общественными деятелями и писателями. В романах сестер Бронте и Ч. Диккенса встречаются карикатурные изображения людей, слепо следующих жесткой морали. Однако им приходилось идти на компромисс, более того, даже писатели первого эшелона подверглись влиянию викторианской морали.

Викторианская эпоха – была эрой превосходства мужчин, это была их золотая эпоха. Женщине отводилась очень малая и незначительная роль. Она не имела прав, не могла

подавать заявления в суд, не была наследницей отца или мужа. По закону муж и жена были одним человеком, но этим единым человеком был мужчина. Даже дети не принадлежали матери, и после развода мужчина имел право запретить бывшей супруге видеться с детьми. Идеалом викторианского общества был «домашний ангел» - покорная, спокойная и сдержанная девушка, благочестивая, добродетельная, но главное – хозяйственная. Дом был важнейшим связующим звеном между постоянно загруженным и деловым мужем и его прекрасной заботливой домоседкой-женой.

Семья, хозяйство и материнство – были пределом мечтаний и главной жизненной целью девушек. Традиционный взгляд на незамужнюю женщину был крайне отрицательным, несмотря на то, что около 40% женщин оставались незамужними в виду жесткой морали и демографической ситуации в стране. Старые девы считались «неполноценными» и «неуважаемыми», разведенные женщины и того хуже.

Именно поэтому уже в 50-х годах XIX века начинается зарождаться женское движение, которое стремилось бороться за права и независимость женщин. Первые феминистки, которых называли суфражистками, требовали разрешение на получения образования, обретении женщинами прав на собственность, а затем и право голоса. Суфражистки породили образ Новой женщины, самостоятельной, сильной, не нуждающейся в мужчине в качестве покровителя, хозяина и господина.

Тем не менее, женский образ, сложившийся в литературе Викторианской эпохе, был идилличным. «Домашний ангел» перешел из жизни в книги, ее оборотной, отрицательной стороной становилась сумасшедшая или старая дева, но в итоге счастье и семенной благополучие получала добродетельная, а зло и порок был всегда наказаны.

Глава II. Р. Хаггард и женские образы в цикле романов об Аэше

2.1. Жизнь и творчество Г. Р. Хаггарда

Р. Хаггард – автор целого ряда приключенческих романов, в которых воспевалась энергия британцев, в экстремальных ситуациях неизменно проявлявших себя с лучшей стороны. Произведения писателя отличаются стремительным развитием сюжета, остротой нарратива, яркими характерами героев⁵⁰, тщательностью изображения деталей местного и исторического колорита. Хаггард погружался в стихию отважных путешествий, предпочитая их злободневным проблемам.

Генри Райдер Хаггард родился в небольшой деревушке графства Норфолк на востоке Англии 22 июня 1856 года. Его отец, Уильям Хаггард, был местным адвокатом, и появился на свет вдалеке от Британской империи, а именно – в Петербурге, родном городе своей матери Елизаветы, дочери купца. Элла Хаггард (урожденная Доветон), мать писателя, была непрофессиональной поэтессой, родившаяся в Бомбее и переехавшая в Европу со своим мужем, У. Хаггардом⁵¹.

В семье будущего писателя называли не иначе, как Райдер, и считали капризным и глуповатым ребенком. Элла Хаггард часто вздыхала: «Умом и телом тяжел, как свинец», вследствие чего отцу пришлось отдать мальчика на индивидуальное воспитание к священнику Гарсингтонского прихода под Оксфордом. Там юный Хаггард тоже не блистал, а точные науки и вовсе нагоняли на него тоску. После размеренной сельской жизни, ему пришлось провести несколько лет в стенах Ипсвичской средней школы.

По окончании школы, отец отправил сына в Лондон, чтобы тот подготовился к службе в Министерстве иностранных дел, но Райдер Хаггард увлекся мистицизмом и хиромантией, поэтому отец нашел ему место секретаря при английском губернаторе южноафриканской провинции Наталь⁵². Так Африка ворвалась в жизнь Хаггарда, перевернув ее, придав ей новый смысл.

Девятнадцатилетний Хаггард легко адаптируется к обстоятельствам и начинает изучать нравы и обычаи зулусов, путешествовать по стране. Местное население с уважением

⁵⁰ История западноевропейской литературы. XIX век: Англия: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений/ Под ред. Л.В. Сидорченко, И.И. Буровой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – С. 31.

⁵¹ Белое сердце Африки (Жизнь и творчество Г. Р. Хаггарда) [Электронный ресурс]. – URL: <http://raymond.narod.ru/rf-haggard-artic.htm/>. – (Дата обращения: 24.03.201).

⁵² Britannica: Sir H. Rider Haggard [Electronic resource]. – URL: <https://global.britannica.com/biography/H-Rider-Haggard/>. – (Date of access 24.03.2017).

относилось к белому секретарю, называя его «Инданда», что переводится как «человек высокого роста и доброго нрава»⁵³. Через три года Хаггард получил назначение на пост управляющего Верховного суда в Трансваале, должность, которой очень гордился его отец. Однако молодой Хаггард желал вернуться в Лондон, чтобы обвенчаться со своей возлюбленной. Именно тогда в жизни писателя разыгралась любовная драма, оставившая глубокий след в его творчестве. Отец запретил покидать пост, а невеста не дождалась жениха и вышла замуж за другого. Всю жизнь Райдер Хаггард будет страдать от неразделенного чувства, пытаясь воплотить несбыточную мечту в яркие женские образы героинь своих книг: Аэша, Клеопатра, дочь Монтесумы – Отоми.

Когда в Африке разразилась первая англо-бурская война, Хаггард вернулся на родину, где и обосновался, а затем, несмотря на предыдущие любовные драмы, удачно женился на подруге своей сестры. Осев в Англии, Хаггард целиком посвятил себя творчеству, однако, его первые книги об Африке (дебютный роман «Кечвайо и его белые соседи», 1882г.) не пользовались популярностью.

Успех пришел к писателю лишь⁵⁴ в 1886 году с выходом в свет романа «Копи царя Соломона», который лег в основу цикла «Приключения Алана Квотермейна». За ним последовал фантастический цикл романов о волшебнице из страны Кор Аэши («Она» - 1887 г., «Возвращение Ее» - 1905 г., «Дочь мудрости» - 1923 г.). Помимо приключенческих и фантастических романов, Хаггард создал также несколько историко-приключенческих романов. «Дочь Монтесумы» был написан после посещения автором Мексики.

Хаггард поддерживал колониальную политику, проводимую Британией, изображая англичан просветителями, цивилизующими и по праву превосходства подчиняющими себе племена и народы экзотических стран. Вне зависимости от места и исторической эпохи писатель показывал мужественных героев-англичан, чьи подвиги и храбрые поступки возвышали их на фоне «аборигенов» или представителей других европейских наций, чтобы, таким образом, туземцы не только принимали их и признавали себе равней, но и охотно соглашались на покровительство (во втором романе об Аллане Квотермейне сэр Генри Куртис⁵⁵ женится на правящей принцессе Зу-Венди и становится владельцем обширной

⁵³ Белое сердце Африки (Жизнь и творчество Г. Р. Хаггарда) [Электронный ресурс]. – URL: <http://raymond.narod.ru/rf-haggard-artic.htm/>. – (Дата обращения: 24.03.201).

⁵⁴ История западноевропейской литературы. XIX век: Англия: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений/ Под ред. Л.В. Сидорченко, И.И. Буровой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – С. 31-32

⁵⁵ Там же

территории, которая переходит под власть Великобритании; в романе «Дочь Монтесумы» герой-англичанин принимается ацтеками как «истинный сын бога Кецалькоатля»).

Писатель прослыл человеком неумной энергии: он был известным публицистом и политическим деятелем, баллотировался в парламент, был консультантом по делам колоний. Г. Р. Хаггард считал⁵⁶ себя защитником культуры и нации, а в 1912 году он даже был возведен в рыцарское звание.

Скончался писатель 14 мая 1925 года в Лондоне.

2.2. Роман Р. Хаггарда «Аэша». Женские образы и Викторианская эпоха

Роман «Она» был написан в 1887 году в творческом экстазе, по словам Хаггарда, его вдохновила идея «бессмертной любви бессмертной женщины». Произведение имеет рамочную композицию: оно открывается предисловием издателя, к которому попали дневники некоего Горация Холи, преподавателя Кембриджского университета. Большая часть романа – это дневники Холи. История начинается с того, что его умирающий друг оставляет свое состояние Холи, прося воспитать сына, юного Лео Винцея, и передать ему сундук и карту, когда тому исполнится 25 лет. В дальнейшем Лео и Холи обнаруживают историю Аменарты и жреца Калликрата, от которых ведут свой род Винцеи. Лео и Холи отправляются в далекую Африку, чтобы отыскать бессмертную женщину, что и становится центральным элементом в сюжете романа. Англичане проходят через кораблекрушение, плен дикарей, а затем знакомятся с мистической Аэшой, волшебницей древнего мира Кор. Она ждала Лео более двух тысяч лет, ведь он оказался реинкарнацией Калликрата, возлюбленного Аэши. Между героями вспыхивают чувства, но Аэша, пытавшаяся провести Лео через огонь вечной жизни, погибает в этом пламени.

Так уже сюжет романа далек от викторианских сюжетов, что сближает Хаггарда с творчеством писателей рубежа веков. Тем не менее, в нем есть черты нового жанра – фэнтези, о котором заговорили намного позже, однако, писатель мог предвосхитить его в своем творчестве. Р. Хаггард определенно поддался влиянию *fin de siècle*, однако, он сделал многое для развития жанра фэнтези, став его предшественником. Тем не менее, к нашему анализу это имеет опосредованное отношение, поэтому перейдем непосредственно к анализу женских образов в романе «Она».

⁵⁶ Белое сердце Африки (Жизнь и творчество Г. Р. Хаггарда) [Электронный ресурс]. – URL: <http://raymond.narod.ru/rf-haggard-artic.htm/>. – (Дата обращения: 24.03.2017).

При тщательном рассмотрении, их оказывается всего 2: Аэша и Устана (женщина из племени дикарей, влюбившаяся в Лео). Одна – бессмертна и влиятельна, вторая – простая черная женщина из племени дикарей. При анализе женских образов мы выделили три параметра: внешние характеристики (красота или уродство, описания внешности, голоса, одежды), внутренние характеристики (манеры, характер, поступки, мысли) и социальное положение (положение в обществе, права и возможности). Их мы сравнили с идеалом Викторианской эпохи (В.Э.). Начнем с образа Аэши.

Аэша

Внешние характеристики

Идеал В.Э.: бледность, болезненность, стройность. Анорексия, беспомощность, привлечение внимания. Стройная фигура как символ успеха.

Бледная, белоснежная кожа, алые губы. Минимум косметики.

Внешность Аэши: «Быстрым движением она сбросила с себя газовое покрывало и встала перед нами, сияя дивной красотой как Афродита, вышедшая из пены, как ожившая Галатея, как лучезарный дух, явившийся из могилы»⁵⁷.

Она прекрасна, но ее красота сравнивается не с ангелом или целомудренной девой, но с богиней древнего мира, с античными героинями, язычниками.

Внешность Аэши: «[Она] стояла передо мной, сияя ослепительной красотой, гибкая, грациозная, как блестящая змея. Устремив на меня свои чудные глаза, - ужаснее глаз василиска, - она околдовала меня своей красотой, и смех ее звенел, как серебряный колокольчик»!

В красоте Аэше есть нечто пугающее, она прекрасна и опасна, Холи сравнивает ее со змеей (аллюзия на медузу Горгону, героиню из мифов, древнего мира). Взгляд ее сравнивается со смертельным взглядом василиска – мифологического монстра, убивающих тех, кто смотрит ему прямо в глаза.

Внешность Аэши «Я не в силах, не могу описать ее. Не родился тот человек, который смог бы описать ее! Великолепные, глубокие и нежные черные глаза, точно изваянное лицо, благородный, чистый лоб. Изящные классические черты и роскошные волосы, - вот все, что

⁵⁷ Здесь и далее цитаты из: Haggard H. R. She [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bookwolf.com/Wolf/pdf/HRiderHaggard-AHistoryOfAdventure.pdf>.

– (Дата обращения: 24.02.2017). Перевод на русский: В. Н. Карпинской.

могу сказать. Но захватывающая красота Аэши заключалась не в прекрасном лице, а в необыкновенном величии, царственной грации, в божественном отпечатке могущества всей ее фигуры».

Красота Аэши – это королевская грация, она возносится над остальными в своем великолепии, не желая быть скромной, не желая скрывать свое превосходство.

Идеал В.Э.: Волосы аккуратно уложены, убраны. V-вырез на платье, но грудь закрыта, скромный облик. Пышные юбки, нельзя показывать ноги. Волосы должны быть собраны, распущенные волосы могли носить только девочки.

Прическа Аэши: «Ее роскошные волосы тяжелой волной падали до полу. Мои глаза были прикованы к ее лицу, словно я был околдован. Отчаяние и страсть исказили ее прелестные черты».

Аэша гордилась своими длинными, черными и прекрасными волосами, она никогда не собирала их, открыто демонстрируя свою красоту.

Одежда Аэши: «Вдруг длинная пелена, окутывавшая ее глаза, упала на пол, и моим глазам явилась дивная царственная фигура, одетая в прозрачную белую одежду, под которой видны были царственные формы тела. На ногах ее были сандалии, застегнутые золотыми пряжками. Я никогда не видел ног такой совершенной красоты. Ее белая одежда была скреплена у пояса двухголовой золотой змейкой, и прекрасная грудь сияла снежной белизной».

Викторианская девушка стыдилась своего тела, ей была чужда сексуальность (по крайней мере, так считали в XIX веке). Ее туалет должен был являть целомудрие и добродетель. Аэша - это апогей женственности и сексуальности, она демонстрирует красоту своего тела, не как падшая женщина или распутница, но с гордым величием, не задумываясь о том, что она пленяет своей внешностью и приковывает взгляды.

Аэша: «Аэша тихо сбросила свое газовое покрывало, расстегнула золотую змею у пояса, распустила великолепные волосы, которые окутали ее как платье, и тихо спустила с себя белое одеяние. Так стояла она, как Ева перед Адамом, закрытая только волосами, божественно прекрасная в своей наготе.»

Идеал В.Э.: красота добродетели, скромность и благородность черт.

Красота Аэши: «Это была красота зла, не знаю, как назвать ее иначе».

Аэша – это не домашний ангел, это мистическая женская сущность, это демон в прекрасном теле. Аэша – это женщина, гордая своим телом, своей красотой, знающая себе цену, готовая использовать чары в своих целях («Если я согрешила, пусть моя красота отвечает за этот грех! Я совершила преступление из-за любви к тебе, забудь и прости мой грех!»)

Внутренние характеристики

Идеал В.Э.: «Домашний Ангел», покорность, пассивность, бесстрастность, способность угождать и скрывать свои желания и чувства.

Аэша же – страстная, гневливая, открыто выражающая все свои эмоции, властная женщина.

Аэша: «-А, вот и ты, старик! Скажи мне, как случилось это безобразие в твоём хозяйстве? Кажется, мои гости были в опасности? Что это значит, старик? Не должна ли я наказать тебя?»

Голос ее зазвучал гневно и холодно. Биллали, который вовсе не был трусом, замер от ужаса.»

В Викторианскую эпоху приходилось подавлять свои чувства, важно было сохранять невозмутимость и хладнокровие. Нельзя было демонстрировать свою привязанность или романтическое увлечение, поэтому многим оставалось лишь молча вздыхать и/или писать письма объекту обожания. Аэша гордится своими пылкими чувствами, они постоянно на поверхности, она говорит, следуя велению сердца:

«...я жду того, кого люблю! Быть может, жизнь моя была злом, я не знаю, потому что кто может сказать, что такое зло или добро?»

Интересно противостояние между Устаной и Аэшей, возникшем из-за Лео. В Романе не девушка становится яблоком раздора между благородными мужами, но мужчина становится причиной распрей между двумя женщинами.

В В.Э. тоже была конкуренция между девушками за мужа, но она была пассивно-агрессивной, девушки старались быть милыми и покорными, чтобы покорить мужчину и лицемерно вежливыми со своими соперницами. Аэша же не терпит никакой конкуренции, она готова уничтожить любую, которая посягнет на то, что *принадлежит ей*.

Аэша: « - Тогда конец! - произнесла она. - Эта женщина должна умереть! ... Грех ее в том, что она осмелилась встать между мной и моей любовью!»

Она вызывает страх и трепет. Лео, сраженный чарами Аэши, тем не менее, не может не отметить демоническое начало ее природы:

«Я - жалкий скот, но, право, не могу противиться ей, - голос его оборвался, - этой колдунье... Я продался в рабство, старый дружище, и «Она» возьмет мою душу!»

Также слуга Джон говорит об Аэше следующее:

«Я хочу сказать вам кое-что, сэр, - произнес Джон, выслушав мой рассказ, - знаете, я думаю, что «Она» - это сам черт холостой! Аэндорская волшебница - дура перед ней, сэр! Это - страна дьяволов, сэр, а «Она» их госпожа».

Аэша очень властна, она стремится покорить весь мир, она не понимает, как что-то может ее сдержать или ограничить. Более того, она не признает мирных путей, чтобы стать королевой – нужно свергнуть предыдущую и захватить власть, чтобы править народом – нужно, чтобы они тебя боялись:

- Скажи мне что-нибудь о твоей стране, о твоём великом народе. Ты, наверное, захочешь вернуться туда, и я рада этому, потому что ты не можешь жить в этих пещерах. Мы уйдем отсюда, - не бойся, я знаю дорогу, - поедем в твою Англию и будем там жить! Две тысячи лет ждала я того дня, когда смогу покинуть эти ужасные пещеры и мрачный народ! Ты будешь управлять Англией...- Но у нас есть королева в Англии! - прервал ее Лео.

- Это ничего не значит! - возразила Аэша. - Ее можно свергнуть с трона!

Мы объяснили ей, что сами погибнем тогда.

- Странная вещь! - произнесла Аэша с удивлением. - Королева, которую любит народ! Вероятно, мир очень изменился с тех пор, как я живу здесь!

При этом она очень умна и образованна. Знает в совершенстве греческий, арабский и иврит. Холи видит в ней надежду на процветание Британской империи:

«В конце концов она получит всю власть в Британских владениях, а, может быть, и на всей земле, и ценой ужасных злодеяний сделает Англию богатейшей и цветущей империей во всем мире. После долгих размышлений я пришел к заключению, что это удивительное создание, вероятно, будет орудием в руках Провидения, чтобы изменить порядки одряхлевшего мира и направить его на лучший путь.»

Аэша – очень противоречивый образ. Сам же рассказчик, который не имеет отношения к истории, а является лишь якобы издателем дневников Холи, восхищается Аэшой, видя в демоне и прекрасную душу:

«Аэша, в чудной душе которой таилась искра неземного провидения, понимала, что, под влиянием ее жизнеспособности, мудрости, блеска всего ее существа, в сердце человека может распуститься, подобно пышному цветку, зародыш величия и мудрости, который засияет, как звезда, и наполнит мир светом и славой?!»

Социальное положение

Идеал В.Э.: Женщина – часть своего мужа, единое целое с ним. У нее нет прав на наследство, нет юридической власти, она должна быть благодарна мужу за все. Женщина В.Э. скромна, в период ухаживания мужчина должен проявлять инициативу, женщина может только отказать, если ей сделали предложение слишком быстро.

В Романе Хаггарда королева владеет всем, она и закон, и власть, и справедливость. Власть передается по женской линии:

«У них есть королева, «Она», которая появляется очень редко, один раз в 2 или 3 года, всегда закутанная, так что никто не видит ее лица. Говорят, что она прекраснее всех женщин, бессмертна и пользуется огромной властью. Время от времени королева выбирает себе супруга, и как только рождается от этого союза дитя женского пола, супруга королевы сразу же умерщвляют. Дитя растет и становится наследницей королевы-матери. Обо всем этом никто ничего толком не знает. Королеве повинуются вся страна, - послушаться ее - значит умереть. Королева окружена стражей, хотя не держит регулярной армии.»

Аэша не только прекрасная правительница племени, но также и военачальник. Она может начинать войну и прекращать сражения:

«Иногда племена воюют друг с другом, пока «Она» не прекратит войну одним своим словом.»

В Викторианской эпохе женщина была вне закона: она не могла наследовать имение, она не могла подавать в суд, но также ее не могли привлекать к суду. Она просто была бесправна. Аэша же выше закона, она и есть закон:

«- Закон! Что такое закон? - проговорила она насмешливо. - Разве ты не понимаешь, Холли, что я выше любого закона, так же, как и Калликрат? Все человеческие законы для нас то же, что северный ветер для горы!»

Жители племени называют ее «Она» или «Та, которой все подчиняется». Ее социальное положение – это вершина, Аэша – это вершина власти, красоты и всего прекрасного.

В период викторианства символом империи была женщина – королева Виктория, однако она первая и была противницей женской эмансипации, считая свое положение неправильным и странным. Если в реальности королеве можно было простить ее необычное положение, то простым женщинам не приходилось мечтать о власти и влиянии. Однако у Хаггарда свободны и независимы не только правительницы, но и обычные женщины.

Рассмотрим женщин племени Амахаггер.

В племени Амахаггер царили довольно свободные и радикальные для того времени нравы:

«Когда мы освоились с обычаями этого народа, тайна разъяснилась. Женщины народа Амахаггер пользуются полным равноправием наравне с мужчинами. Происхождение рода считается по материнской линии, и люди гордятся длинным рядом женских предков, как гордимся мы нашими предками-мужчинами в Европе. ... Когда женщина народа Амахаггер желает избрать себе мужа, она должна подойти к нему и публично обнять его... Если он

вернул ей поцелуй, это значило, что он согласен взять ее в жены. Связь продолжается до тех пор, пока не наскучит одному из молодых людей».

В В.Э. до 1857 года развод был невозможен, при расторжении помолвки жених был обязан платить штраф. Развод после 1857 года был долгим и очень дорогим процессом, для женщины вообще практически невозможным (только если со стороны мужа имел место инцест). У жителей Амахаггер все довольно просто: женщина проявляет инициативу, если мужчина отвечает, они могут быть вместе, когда любовь проходит, люди просто расходятся. Это почти что европейская семья XXI века: немыслимое распутство для викторианцев и обычная практика для людей современности. Но напомним, что Хаггард жил в конце XIX века, и подобная свобода женского выбора казалась тогда невозможной и даже странной.

Устана

Девушка из племени Амахаггер, считала себя женой Лео. Брак по законам племени был заключен тогда, когда Устана выбрала Лео, поцеловала его, а он ответил ей.

Внешние характеристики и общественное положение

Устана была симпатичной, ее волосы так же не были собраны, а тело было довольно открытым. Она не боится проявлять свои чувства, скорее наоборот, после чего Лео и стал ее «мужем». Но превратившись в «жену» Лео, она полностью посвящает себя любимому.

«Затем произошло нечто удивительное. Самая хорошенькая из молодых женщин, одетая во что-то похожее на платье, с пышными темными волосами, оглядев Лео с головы до ног, свободно подошла к нему, обняла его руками за шею и поцеловала прямо в губы. Я задышался, ожидая чего-нибудь необычного, но, к моему удивлению, хотя многие из молодых женщин и выказали некоторое раздражение, старухи и мужчины только усмехнулись».

Устана считает, что имеет право выбирать себе мужа. Ей понравился Лео, и она выбрала его.

Внутренние характеристики

Устана очень своевольная и решительная женщина. Она показывает неподчинение королеве, протестует, чем являет настоящее мужество и дерзость:

« - Нет, королева, я не уйду, - произнесла она дрогнувшим голосом, - этот человек - мой супруг; я люблю его, люблю и не покину! Какое право имеешь ты приказывать мне покинуть моего супруга? ».

Таким образом, и женщины племени Амахаггер, и Аэша – сильные независимые женщины, чьи образы идут в разрез с идеалом Викторианской эпохи.

В романе «Она: История приключения» женские образы противопоставлены викторианскому идеалу. Выдвигается образ новой женщины, сильной, самостоятельной и независимой.

2.3. Женские образы в романе «Аэша: Возвращение Ее»

Второй роман, продолжающий повествование о бессмертной женщине Аэши, перемещается из Африки на Восток, на территорию Монголии. Постаревшие герои: Лео Винцей и Гораций Холи, верящие, что Аэша жива, ищут следы ее пребывания, путешествуют по миру. От буддистского монастыря до монгольских земель лежит их путь, в царство Калун, где им встречается опасная ханша, ее муж и жрец-колдун. После череды препятствий Гораций и Лео попадают на мистическую гору, где встречают жрицу Гезею, которая и оказывается Аэшей. Лео предстоит сделать выбор между красавицей ханшей и Аэшей, лишившейся своей божественной красоты.

Во втором романе Хаггард пошел дальше, изобразив не просто экзотико-романтический мир, но вселенную, полную магии и волшебства. Аэша не просто бессмертная мудрая женщина, она сродни богине, Аменарта и ее дядя способны колдовать, предвидеть будущее. Также в «Возвращении Ее» внутренние характеристики превалируют над внешними: глубокий опасный и непредсказуемый мир женщины становится основным предметом изображения. Обе главные героини: Аэша и ханша Калуна являются *femme fatale*, однако образ Аэши претерпевает изменения. Если в первой книге она была властной, демонически прекрасной и опасной правительницей, то здесь проявляется трагическая сторона ее характера, она женственна, ранима, противоречива, она идеальная героиня рубежа веков с его двойственностью и парадоксальностью. Аэша, как и люди конца XIX века, живет в ожидании неизбежного, опасается рока и каприза судьбы.

Рассмотрим основные женские персонажи более подробно.

Афина (Аменарта)

Внешние характеристики

Женщина невероятно красива. И Холли, и Лео отмечают это:

«Женщина⁵⁸ была очень хороша собой. Вода струилась с ее платья и волос... У нее была благородная осанка, прекрасное, но усталое лицо и жгучие глаза с поволокой. Она подошла ко мне, равнодушно посмотрела, потом отошла к Лео. Голос ее зазвучал нежнее, когда она заговорила с привратником, расспрашивая его о больном.» (ханша Калуна)

«На полу лежала с широко раскрытыми глазами мертвая ханша Калуна. Но даже мертвая, она была величественна!»

Основной язык Калуна – монгольский, жители – монголы и другие азиаты. Но правительница не восточная женщина. С пришельцами она говорит на греческом, классическом европейском языке. Она прекрасна, хорошо образована, она сравнивается с Аэшой, которая так же была белой женщиной.

«Жена хана - красавица. Я говорил с ней по-гречески. Аэша тоже говорила по-гречески. Не странно ли? Вчера вечером она вошла ко мне, одетая в королевскую мантию.

Она была хороша, как сказочная царица. На распущенных каштановых волосах красовалась корона». (Лео о ханше)

С другой стороны, ее властная, деспотичная и жестокая натура откладывает отпечаток на внешность. В портрете Афины присутствует некий психологизм, ее внутреннее проецируется на внешнее.

«Мне стало жутко от этого пристального взгляда» (Холли о ханше)

Ее взгляд внушает ужас:

⁵⁸ Здесь и далее цитаты из: Haggard H. R. Ayesha: The Return of She [Электронный ресурс]. – URL: <http://public-library.uk/ebooks/12/92.pdf>. – (Дата обращения: 24.02.2017). Перевод на русский: К. А. Гумберга.

«Я жадно припал к нему и стал пить большими глотками, чувствуя на себе взгляд ее жгучих глаз, в которых боролись страсть, ярость и страх»

Внутренние характеристики

Ханша Афина – противоречивый персонаж. Она является реинкарнацией Аменарты, жрицы, нарушившей обет ради любви. В ее жилах течет кровь Рассена, полководца Александра Македонского. Она храбра, мужественна и сильна:

«Тогда женищина проявила мужество и благородство. Она вошла по пояс в воду и, держась левой рукой за руку спутника, правой вытащила Лео за волосы из воды»

Афина очень горделива и самоуверенна, она готова бросить вызов даже богам:

«Ты звал меня на Гору. Хорошо же, мы там встретимся. Там я увижу Богиню, как всегда предсказывал шаман, да я и сама знала, что так должно случиться. Я померяюсь с ней силой, и мой царский венец будет принадлежать той из нас, которая победит!»

Она святотатствует, не обращая внимание на увещевания жреца, так как в ней говорит ревность и задетая гордость:

- Сбрось с себя эти тряпки, скрывающие твоё безобразие, колдунья! - кричала она. - Напрасно мнишь ты запугать меня этим саваном, скрывающим смерть!

- Замолчи, прошу тебя, госпожа! - молил Орос. - Перед тобой жрица богини и с нею Сила.

- Не думает ли она померяться силой с ханшей Калуна? - продолжала Афина. - Пусть покажет эту силу. Я знаю эту силу Горной Ведьмы. Она колдовством заманила сюда моих гостей и принесла смерть моему супругу.

Ханша сильна и физически и духовно, но при этом она ужасный и злой человек. Она хладнокровна, расчетлива, готова на любые жертвы и преступления ради достижения своей цели:

«Раскрой свои книги, маг, и найди в них, кто эта женщина, где она живет, чтобы я могла убить ее, если можно»

Ослепленная любовью, Афина не может мыслить рационально, ее порывы диктуют действия и желания:

«Потому что этот молодой человек принадлежит мне, а не тебе и никакой другой женщине! - Голос Афины звучал серьезно и искренно. - Потому что я люблю его и всегда любила. Мы любили друг друга с тех пор, как появились наши души»

В порыве гнева она может лишить человека жизни:

-Знаю только, что смерть сблизит его и тебя, и меня также.

- Пусть же тогда скорее приходит смерть! - гордо воскликнула Афина.

Несмотря на силу и определенную независимость и свободу от каких бы то ни было правил, Афина боится общественного мнения, она пытается, хоть и лицемерно, придерживаться определенных норм поведения и устоев. Когда Холли заметил ее опрометчивый поступок, Афина была готова заколоть его, лишь бы никто не узнал ее тайну.

«Так, значит, это ты, старая обезьяна...Напрасно я тебя не убила. Но это дело поправимое!»

Если викторианские женщины должны были притворяться неприступными и холодными, скрывая внутри бурю чувств и эмоций, то Афина в принципе лишена этих чувств. Она ненавидит мужчин, ее сердце холодно, любовь и нежность неведомы ей.

- Что мог сделать этот несчастный?

- Человек этот знатен: он приходится родней самому хану. А вина его в том, что он полюбил ханшу и предложил ей объявить войну хану, если она согласится выйти за него замуж. Но она ненавидела его, как ненавидит всех мужчин. Вот и все.

(сцена погони своры собак за всадником)

Однако, после встречи с Лео, она стала одержимой роковой страстью к нему, эта одержимость выводит ее из привычного равнодушно холодного состояния, заставляя вести себя опрометчиво.

«Тогда женщина снова пристально взгляделась в его черты и, словно не в силах сдержаться, припала к нему и поцеловала. Краска залила ее лицо до корней волос. Ей было стыдно за свой безумный поступок»

Афина вспыльчива и не всегда может владеть собой, как пристало правительнице и женщине, принадлежащей высшему сословию:

«Жена хана разозлилась от зависти. Все, что в ней было дурного, всплыло наружу. Голос зазвучал грубо. Аэша могла быть ужасна в своем гневе, как молния, но никогда не была груба и вульгарна. С этого момента я убедился, что жена хана и Аэша - не одно и то же. Я позволил ей сердиться и упрекать себя и лежал молча». (Лео о ханше)

Афина понимает, что любовное наваждение сильнее ее, но она не сопротивляется, а полностью отдается разрушающему ее чувству, что раскрывает ее как страстную натуру.

«О! Это не любовь, это что-то сильнее. Мною овладела какая-то роковая сила. Я вся его и только его. И, клянусь, он будет мой!»

Ханша коварна, но она также сильно страдает, холодная и неприступная, она вдруг полюбила, привыкшая жить из чувства долга, она захотела следовать велению чувств, ее несчастье и горе искренны:

«Я всегда ненавидела мужчин. Мои уста чище горного снега. В Калуне меня называют "ледяным сердцем". А ты, может быть, думаешь, что я бесстыдное

существо. - Она закрыла лицо руками и зарыдала. - Ты много знаешь, чужеземец, узнай же больше. Я сошла с ума, как хан. Это случилось тогда, когда я в первый раз увидела лицо твоего друга и вытащила его из реки»

Будучи жестокой и самовлюбленной, Афина все же способна на благородство, она правительница и думает о безопасности своего народа, готова пожертвовать личным счастьем ради мира и спокойствия страны.

«Не брани меня...я сошлась с этим безумцем в интересах государства. Меня уговорили выйти за него. Даже ты, Симбри, - будь ты проклят за это, - советовал мне вступить в брак с Рассеном, чтобы прекратить войну. Ты говорил мне, что мои сны – простая фантазия. Я уступила для блага своего народа»

Семейные узы также подчиняются более строгим нормам морали и закону, они сложнее, чем в стране Кор. При живом муже не может быть второго. Поклонников Афина отвергает, они наказываются смертью, ненавистного мужа ханша хочет убить и выйти замуж за любимого.

- Скажи, Афина, зачем тебе этот пришелец? - спросил шаман. - Ты хочешь сделать его своим любовником?

- Нет, мужем! - отвечала она, дерзко выдерживая его взгляд.

Она самоуверенна, знает себе цену и не склонна быть скромной.

«Тогда я сказала ему, что слышу за самую красивую женщину в Калуне, что я жена хана и вытащила его из реки и что сердце подсказывает мне, что я та, которую он ищет»

Ханша категорична и горда, порой гордость и обида переполняют ее настолько, что она готова уничтожить любого, кто задел ее.

«Ты не встретишь прекрасного существа, которое могло бы очаровать тебя. Лео

Винцей, я знаю, что ты пришел сюда не из-за меня, как я о том мечтала, а для какого-то демона в образе женщины, которую ты никогда не найдешь. Подумай до завтрашнего дня о том, что я тебе предложила, и дай мне ответ, согласен ли ты быть моим и царствовать вместе со мной, или же ты предпочитаешь умереть вместе с твоим другом. Выбирай между мной и мстью! Я не позволю чужеземцу смеяться над собой!»

Муж ханши Рассен безумен, но в этом виновата Афина. До свадьбы она опоила влюбленного в нее кузена зельем, чтобы тот не смог прикасаться к ней, зелье свело правителя с ума.

«Я был когда-то могуч, благороден душой, владел половиной царства. Но я полюбил ее проклятую красоту. Она же хотела выйти за меня замуж и прислала ко мне сватом эту старую крысу. Я прекратил войну и женился на ханше. Лучше было бы мне стать последним мужиком, чем войти в опочивальню царицы в качестве ее супруга! Она ненавидела меня. И чем сильнее я любил, тем сильнее она ненавидела. Наконец, на свадебном пиру она дала мне напиток, который отвратил меня от нее, но в то же время иссушил мой мозг ядом безумия. Она не женщина, а колдунья. Она хочет жить одна. Она нарочно натравила меня на человека, которого я недавно загнал своими собаками... Может ли кто-нибудь из смертных противиться желанию Афины?». (хан о ханше)

Афина настоящая *femme fatal*, она губит мужчин: поклонники погибают, муж впадает в безумие:

«Не называя имени хана, книга рассказывала, как его жена ненавидела мужа, как она, вместе с воспитавшим ее родственником, нарочно посылала мужу других женщин, которые соблазняли его, чтобы он оставил ее в покое, как она опоила его ядом, лишила рассудка, развила в нем все дурные наклонности. Самые злые из его поступков были внушены ему женой»

Даже Лео, возлюбленного ханши, может ждать печальная участь:

«Афина успела выйти замуж за ненавистного ей человека и отравить его, как отравила бы меня, если бы я ей надоел». (Лео об Афине)

Социальное положение

Афина – женщина царских кровей, она правит Калуном.

- Ты женщина, которая спасла меня? - продолжал он уже по-гречески, - скажи, не та ли ты царица, которую я так долго искал?

- Не знаю, - отвечала она, и голос ее звучал нежно. - Но я, правда, царица, ханша

Формально страной управляет хан, но Афина опоила его зельем, он безумен, поэтому она стала правительницей, люди уважают ее и прислушиваются к ней. Она заменяет хана, но не официально правит.

- Кто же настоящий хозяин страны, хан Калуна или глава жрецов Гезея? - спросил я.

- В делах гражданских - хан Калуна, в вопросах совести - жрица Гезея, наш оракул и голос свыше.

Она ужасный человек, но неплохой правитель, готовый помогать своим людям, отстаивать их интересы, защищать их.

«Ханша Афина - последний отпрыск прямой линии царствующего дома, и народ больше любит ее, чем хана. Она много помогает бедным и потому очень популярна. Подданные жалеют, что у нее нет детей и с ее смертью опять начнутся споры и войны из-за престолонаследия»

Образ Афины несет в себе отрицательную коннотацию, хотя он и не лишен положительных черт. Она сильная, бесстрашная уверенная в себе женщина, хорошая правительница и опытный воин. В ней прослеживаются некоторые викторианские черты (холодность и отстраненность, незаинтересованность в мужчинах и физической близости,

боязнь общественного мнения при нарушении правил поведения), однако, черты эти весьма относительны, в дальнейшем образ Афины раскрывается, она femme fatale, страсть, жажда мести, обида и ревность управляют ее поступками. В финале ее ждет гибель.

Гезея (Аэша)

Образ Аэши претерпевает значительные изменения во второй книге. Аэша больше, чем просто женщина, больше, чем правительница и королева, - она бессмертна, она божественна.

Внешние характеристики

Аэша предстает в двух образах: уродливая старуха, страдающая и раскисающаяся, немощная и потерявшая былое величие.

- *Кто стоит во главе их? Жрица?*

- *Да, жрица. Я никогда не видела ее лица. Она так стара, что скрывает его под покрывалом.*

Она лишилась величественной фигуры, ее пороки стали отражением ее внешности:

«Кто эта ужасная, похожая на мумию, женщина, которая охраняла нас? Кто она, почему ее боялись дикари? ...Орос назвал ее жрицей богини, исполнительницей ее приказаний, но что если она - Аэша, которую мы ищем? Если это Аэша, она изменилась. Это не та Аэша, которой мы поклонялись.»

Соперница не упускает возможность указать на безобразие жрицы, насколько была прекрасна Аэша, настолько ужасна жрица:

«Что это за горная ведьма, осмелившаяся преградить путь ханше и ее покойному супругу? - вскричала Афина. - О, гости мои, я встречаю вас в дурном обществе! Должно быть, эта женщина ужасно безобразна, иначе она не стала бы скрывать свое лицо» (Афина о Гезее)

Если раньше красота Аэши скрывала темную сторону и непокорный дух, то теперь бременное тело скрывает страдающую душу:

«Она стояла, и свет бездушного, беспощадного огня ярко освещал весь ужас ее безобразия... При беглом взгляде на лицо Аэши еще оставалась надежда, но надежда эта тут же умерла, оставалась только мучительная тоска, тоска, о! какая тоска... »

Второй образ Аэши - это прекрасная божественная, но грешная женщина, обратившаяся ко тьме.

После поцелуя Лео она смогла вернуть себе прежнюю красоту и волшебный голос:

«...мы увидели там словно в дымке женщину неземной красоты»

«Голос, мягкий, как шепот, как шелест тростников»

Ее стан вновь стал величественным и гордым, она вновь смогла привлекать своей внешностью, которая была поистине ангельской:

«От ее дыхания, ее волос веяло ароматом роз. Тело ее было бело, как жемчужина моря. Ни один скульптор не создавал еще таких дивных очертаний, как у ее руки, которой она придерживала покрывало. Мягкий, спокойный блеск ее глаз мог соперничать с чистым сиянием небесных звезд»

Однако даже в этом прекрасном образе есть червоточина, ее темная натура прорывается наружу, Аэша – это и красота, и опасность, добро и зло:

«Аэша по-прежнему сидела на троне, но, о! как страшна была она в своем величии смерти. Синеватое пламя освещало гордое, нечеловеческое лицо; глаза ее горели, как драгоценные камни. Точно Царица Смерти принимала поклонение теней»

Некоторые властные и хищные внешние черты, которые составляли образ Аэши в первом романе, все же остались, но теперь она сравнивается с более величественным животным:

«Лицо ее было бледно, глаза сверкали, как у львицы».

Она опасна, готова защищать то, что считает своим, но при этом благородна и справедлива.

В финале духовная и физическая красота Аэши сливаются воедино:

«Но мы видели только Аэшу, возрожденную, в полной славе, бессмертную, женственную невесту Лео»

Именно любовь к Лео придавала красоте Аэше доброту и сияние:

«Никогда, никогда даже в пещерах Кор не была Аэша так божественно прекрасна, как в этот момент, когда созрела жатва ее любви»

Важную роль в описании ее внешности играет бессмертие, ни одна земная женщина не может быть так прекрасна:

- Он допустил, что это возможно, так как та женщина могла возродиться, потом пытливо посмотрел на меня и спросил: прошла ли я через огонь? Он захотел посмотреть мои волосы, вытащил из мешочка, который носит на шее, прядь волос и сравнивал. О! Симбри, что это за волосы! Они во весь мой рост, до пола длинной, мягкие, как шелк, и черны, как вороново крыло.

- Твои волосы прекрасны, - отвечал он, - но не похожи на эти!

- Может быть, - ответила я, - ни у одной женщины нет таких волос.

- Правда, - согласился он, - она была больше, чем просто смертная женщина.

Гезея – служительница Исиды, она ее представитель на земле. Однако, если в пещерах Кор Аэша была «Той-Которой-Все-Подчиняется», грозной и властной правительницей, то здесь она лишена доброй или злой коннотации, она неземная, поэтому ни ее внешность, ни внутренний мир не подчиняются земным законам. Лео с грустью замечает:

«Да, конечно, ...Она прекрасна. Но знаешь, Гораций, я хотел бы, чтобы Аэша была немного более земной, хотя бы такой, какой была в пещерах Кор. Когда она поцеловала меня, - не знаю, можно ли это прикосновение назвать поцелуем, - мне казалось, что в ней нет плоти и крови. Да и может ли плоть в одно мгновение родиться из пламени, Гораций?»

Ее красота и божественность лишают возможности на личное счастье:

«Аэша стала как-будто еще более божественной. Скажи, Гораций, каким же я буду супругом для этого лучезарного существа, если только это случится?» (Лео об Аэше)

Внутренние характеристики

Внутренний мир Аэши меняется кардинально. Она больше не «Та, которой все подчиняется», не доминирующая и властная «Она», это существо из других миров, через боль, раскаяние и страдания постигшее гармонию и нашедшее любовь.

От «Той, которой все повинуетя» у Гезеи остались сила и страх народа перед ее гневом.

«Гезея могущественна. На земле и в воздухе у нее есть слуги, которые ей повинуются. Они предупредили ее о появлении чужеземцев, они же расскажут ей об их дальнейшей судьбе. Я ненавижу Гезею, но не советую тебе навлекать на себя ее гнев: он ужасен. Династия Рассенов испытала его уже раз»

Грозной предстает она и в видениях Холли. Она несдержанна, гнев определяет ее манеру поведения:

«...но я вспомнил Аэшу. Она, показалось мне, стоит в плаще на утесе надо мной. Рядом с ней стоял какой-то человек. Ее прекрасные глаза выражали испуг».

- Что за несчастье случилось? - спросила она. - Ты жив, но что случилось с моим другом Лео? Отвечай, где ты его оставил, или умри!

В воспоминания Ку-ена, монаха буддистского монастыря, Аэша предстает роковой женщиной, преследующей и губящей праведного мужчину, монаха:

«И я пал перед нею ниц и целовал ее ноги, а потом бежал от нее с разбитым сердцем и краской стыда. А она со смехом закричала мне вслед: "Вспомни меня, когда перейдешь в другой мир, о служитель святого Будды! Я меняюсь, но не умираю. Я найду тебя даже в Давашане, потому что ты мне поклонился"»

Ее гнев и ее любовь одинаково опасны и разрушительны, ибо она бессмертное божественное создание. Она карает жителей Калуна за то, что те осмелились идти на нее войной:

«Гнев Аэши обрушился на сынов Калуна. Она закричала, и наступил такой ужас, какого еще никто не видел и не увидит больше на земле. Страшный вихрь вырывал из земли камни. Лошади и всадники смешались в невообразимом хаосе. Как сорванные бурей листья, люди в смятении кружились, падали друг на друга, лежали грудями, пока не затихали навеки под ударами молний. Черная туча широко простерла на небе свои огненные крылья и пролила над землей огненный ливень. Мрак, ужасный мрак, тревога, гибель, разорение...»

Но даже ее любовь несет гибель, ее возлюбленный, Лео, не смог пережить ее поцелуй:

«Аэша убила его огнем своего поцелуя. Лео лежал мертвый, да, мертвый, на груди мертвой Афины!»

Смертельный поцелуй Аэши роднит ее с мифологическими героинями (Лилит, Ундиной), что вновь придает ее образу черты *femme fatale*, роковой демонической женщины, разрушающей жизни.

Путешествуя, Лео и Холли встретили буддистского монаха, который так же видел когда-то Аэшу и узнал о греховности ее души.

«Но служительница эта - женщина она или злой дух - не хотела умирать, потому что полюбила тебя. Она знала, что в следующей жизни увидит тебя снова, ждала тебя, встретила и умерла, или, по крайней мере, казалось, что умерла. Теперь она возродилась, и вы снова встретитесь для новых страданий»

Монах считает, что Аэша – это прекрасный демон, который мешает спасению души человека, она выступает своеобразным искушителем (что вновь роднит ее с одной из характеристик Лилит):

«Я забыл про войско, но про нее не забыл. Она долго была препятствием на моем пути к берегу спасения. Я был в то время смиренным монахом и убирал светлицу, когда она вошла и сбросила с себя покрывало. Она заговорила со мной и спросила, не рад ли я, что вижу женщину. Она была прекрасна, как заря, как вечерняя звезда, как первый весенний цветок. О! Я грешный, грешный человек! Вы считали меня святым, - я же только низкое существо. Эта женщина, если только она женщина, зажгла в моем сердце пламя, которое не хочет погаснуть»

Аэша была гордой, свободолюбивой и властной натурой, в прошлом она была похожа на Афину, на свою соперницу Аменарту, роковая любовь так же стубила ее.

«Слушай же, я люблю тебя, и эта женщина или богиня, кажется, тоже любит тебя и сказала, что сегодня ты должен раз и навсегда сделать выбор между нами. Она обвиняет меня, говоря, что я согрешила перед Изидой, но сама она согрешила еще больше, потому что захотела отнять тебя у богини и у твоей земной невесты и в то же время получить бессмертие. Итак, из нас двоих она хуже. Свет, о котором говорил Орос, не так уж чист». (Афина о Гезее)

Аэша была так же, как и Афина, холодна, любовь и чувства не были ей свойственны, она стремилась к знаниям, пыталась постичь тайны мироздания:

«Была некогда женщина царской крови, Аменарта. Она влюбилась в Калликрата, околдовала его чарами, как и сейчас, - она занималась тогда волшебством, - заставила его нарушить клятву и бежать с ней... Была, наконец, некогда арабская женщина Аэша. Она была умна и прекрасна. Но сердце ее было холодно, и наука не давала ей утешения, и вот она сделалась служительницей вечной Матери, надеясь тут найти истинное знание»

За свою гордость, желание вечной молодости, власти и любви Аэша была наказана одиночеством, а затем и безобразием. Чтобы получить прощение, ей пришлось страдать.

«При свете теплившегося ночника я увидел какую-то фигуру и тотчас же узнал нашего таинственного проводника. Видение устремило взор на спящего Лео. Вдруг оно тяжело застонало. Этот стон вырвался, казалось, из глубины души. Итак, это существо страдает и выражает свои страдания, как человек. Вот оно заломило в беспредельной тоске руки». – страдания бессмертной женщины»

Аэша знала, что любовь бессмертной женщины к смертному – это риск, что судьба и природа против такого союза, поэтому она страдала каждую минуту, понимая, насколько иллюзорно ее счастье:

«Наблюдая за Аэшей в последующие дни, я убедился, что женщина она или дух, но не было на свете существа несчастнее ее. Ее постоянно преследовал страх за будущее, предвидеть которое, несмотря на свое бессмертие, она не могла»

Характер и образ Аэши меняются. Страдания и божественная кара выводят ее на новый уровень. Теперь ее внутренний мир не только богат, но и прекрасен.

«Что нам до сосуда, ветшающего от времени? - послышался голос Ороса, которого я полюбил за эти слова. - Что нам до плоти, которая гибнет? Смотрите на свет, по-прежнему сияющий в полуразбитом светильнике. Разве не видите вы сквозь эту мертвую оболочку живую душу?» Второе испытание

Как и в романе «Она», Аэша обладает практически безграничными знаниями и нечеловеческой властью.

«Ты мне не говорил этого, странник, но мои слуги рассказали мне все. Неужели ты думаешь, Афина, что от всевидящего ока Гезеи что-либо может укрыться? Я знаю все. Знаю, что ты послала мне лживое известие и задержала странников, стараясь завоевать любовь того, кто отвергал тебя. Ты даже пыталась лгать мне здесь, в самом святилище!»

Но во второй книге Аэша не просто образованная мудрая женщина, способная составить конкуренцию мужчине, ее знания за пределами человеческих возможностей.

«...с юмором говорила она об их любви и ненависти, силе и маленьких слабостях, тщеславии и погоне за призраками земного счастья...Мало-помалу она перешла на свою жизнь и стала рассказывать о себе, о том, как она искала истину, изучала разные религии и отвергла их все, как проповедывала в Иерусалиме, за что ее книжники побили камнями. Тогда она бежала в Аравию, но и родной народ изгнал ее, и она поселилась в Египте при дворе фараона. Там жил известный маг - не то обманщик, не то провидец. Он научил ее своему искусству, но она превзошла его, и он сам стал ей повиноваться.»

В суждениях Аэши воплотилась философия двух влиятельнейших умов рубежа веков – А.Шопенгауэра и Ф.Ницше. Она размышляет о соотношения добра и зла, оценке человеческих поступков, говоря, что все это не реальность, все это лишь в сознании человека.

«Я царствовала и правила во многих странах, Лео; может быть, это мои бывшие слуги пришли приветствовать меня. Возможно также, что эти тени были такой же игрой твоего воображения, как образы, которые я вызвала в огне, желая испытать твою силу и постоянство. Знай же, Лео Винцей, что все, что мы видим - обман зрения. Ни прошлого, ни будущего нет, есть только вечность. Я, Аэша, - лишь призрак, который

кажется тебе то безобразным, то прекрасным. Когда ты улыбаешься, я переливаюсь тысячами цветов, когда ты грустен, я становлюсь мрачна».

Она ставит под вопрос суждения о реальности, о природе добра и зла, о том, способен ли меняться человек, и что такое душа.

«Я исчезла в огне и в огне явилась. Может быть, пламя поглотит когда-нибудь нас обоих. А, впрочем, возможно, что я все та же, и тебе только показалось, будто я изменилась»

Ведет споры о религии с Лео:

«Ведь все великие религии в сущности одинаковы. Чему учила религия египтян, которая теперь перешла к нам? Что одна великая, добрая Сила управляет вселенной, что добрые унаследуют вечную жизнь, злые же вечную смерть, что людей будут судить сообразно их делам и поступкам, что настоящая жизнь не здесь, а за гробом, там, где не будет больше печали. Ведь и ты веришь всему этому?»

Жизнь для Аэши – это страдание, воля управляет судьбами, от нее ничего не зависит, довлеющий рок определяет будущее:

«Я охотно поменялась бы с тобой. О, жалкие смертные, что завидуете нашему бессмертию! Жизнь на земле - это ад, уходя из него, душа возвращается к миру. Жить вечно на земле, видеть, как умирают наши близкие, не имея надежды последовать за ними, видеть, как они возрождаются, но не узнают нас и снова терять их – ужасно»

Аэша двойственна, ее душа, ее природа дуалистичны, она прекрасный образец героя рубежа веков, противоречивого, неоднозначного, сочетающего в себе борьбу добра и зла:

«Вспомни отвратительное, морщинистое существо там, на скале: это - я, беги от меня. Прекрасная, но со злой душой - это тоже я. Если хочешь, бери меня такой... Откажись

от меня навсегда - и ты спасешься. Или прижми, о, крепко прижми меня к сердцу, и за мою любовь, за мои поцелуи возьми на себя мой грех».

В образе Аэши появились и другие черты эпохи. Она ждала любимого тысячелетиями, хранила ему верность и несла траур по умершему Калликрату (чем определенно напоминает королеву Викторию).

«Я ничего не могу обещать тебе, кроме любви, какую ни одна женщина не дарила мужчине, любви, которая, может быть, должна остаться без ответа на земле»

Аэша стала более женственной и гибкой:

«Твоя воля - моя воля, - мягко сказала Аэша»

Она больше ни «львица», ни «Горгона», ни «Валькирия», а невеста – идеал женственности:

«Она становилась все лучезарнее, все нежнее. Это была уже не отшельница пещер, не Оракул храма, не Валькирия поля брани, а прекраснейшая, счастливейшая из невест»

Любовь разбудила в холодном сердце бессмертной женщины нежность и любовь. Теперь Аэша стремится быть единым целым со своим мужем, что сближает ее с образцовой викторианской женщиной:

«Не думай, что я прежняя грешная и гордая Аэша, которой ты поклонялся и которую боялся. Моя душа возродилась любовью и жертвой Лео. Как вначале, наши души снова слились в одно»

Аэша не торопится со свадьбой после помолвки, избегает телесных контактов с Лео, словно повинуюсь традиции или обычаю. Она рассуждает как викторианка:

- Позволь еще один вопрос, Аэша. Сегодня было наше обручение, когда же

будешь ты моей женой?

- Ах, не теперь, не теперь! - дрожащим голосом торопливо сказала она. -

Подожди несколько месяцев, год, будь пока другом.

Ранее эмоциональная и страстная, Аэша изменилась кардинально, теперь она скромна и стыдлива:

«Что касается Лео, то видеть постоянно Аэшу и не сметь даже поцеловать ее, сознавать, кроме того, что так будет продолжаться еще года два, - было для него тяжело: он похудел, потерял сон и аппетит. Он умолял Аэшу переменить свое решение и стать его женой, но она оставалась непоколебимой»

Ее внутренний образ противоречив и синкретичен. В нем обобщены черты эпохи, мифологические образы, а также образ королевы Виктории.

Социальное положение

Гезея – существо не принадлежащее нашему миру. Она живет в нем, она была когда-то человеком, но сейчас она стоит выше морали, выше ценностей, выше людей.

Ей поклоняются, как божеству:

«Чужеземец рассказал нам также, что народ его поклоняется жрице Хес или Хесеа, которая царствует из поколения в поколение. Она живет одиноко в горах, не вмешивается в правление, но ее все боятся и чтут. Ей приносят жертвы. Тот, кого она возненавидит, умирает»

Аэша считает себя богиней, и откровенно говорит об этом:

- Итак, твой путь - путь Отречения, и твоя Нирвана - Ничто. Разве эта цель стоит такого тяжелого труда? Я покажу тебе более отрадный путь и богиню, более достойную поклонения.

- Каков же этот путь и что это за богиня? - спросил я.

Когда я спросил, где эта богиня, женщина приняла царственную позу и

сказала:

- Это я... Поклонись мне!

Даже Холли и Лео склонны видеть в Аэше сверхъестественное создание. Аэша – существо из другого мира, точнее, создание нескольких миров.

«Я много думал, но не мог согласиться с мыслью, что Аэша богиня, а не женщина. Она, может быть, жрица, да; но она все-таки женщина с живой надеждой и страстью. Правда, сама Аэша дала нам понять, что она когда-то была дочерью Неба. Старый шаман из Сибири тоже говорил о ее божественном происхождении...»

Она также хозяйка сердец, ее власть не только формальная, но и духовная:

«Я тоже нашел в ней божество, которому стал с тех пор поклоняться - не плотью, но, что ужаснее, душою и волей». (Холли об Аэше)

Кроме того, что Гезея – Оракул, она также судья, она судит дикарей за их проступки, она судит умерших по их делам и свершениям (суд мертвого хана Калуна).

«Довольно, - сказал верховный жрец. - Она - судья, который судит, и меч, который убивает, я же - Слух и Глас»

Гезея (Аэша) проводит обряды, похожие на те, что были описаны в египетских мифах о суде Осириса, только судья здесь – женщина. Сама же Гезея сравнивается с Изидой.

« Главной жрицей была женщина. Две тысячи лет тому назад страну завоевал полководец Рассен. Он стал ханом Калуна и поселил на горе новую жрицу, служившую египетской богине Гезее, или Изиде. Она изменила древнее учение, заменив простой, чистый культ поклонения огню новой верой в Духа Жизни, или Природы. Орос говорил, что жрица этого божества вечна»

Она и культ, созданный в ее честь, породил новую расу людей:

«Когда она умирает, ее дочь, родная или приемная, заменяет ее и носит то же имя Гезеи, или Матери. Она является смертным очень редко. На горе живут триста жрецов и столько же жриц. Им разрешено жениться, и новых жрецов и жриц набирают из их потомства. Таким образом возникла особая раса людей»

Соперница, Афина, признает божественность Аэши, понимая, что не может ни убить ее, ни навредить ей.

«Ты не смертная женщина, я не в силах тебя побороть. Пусть же накажет тебя Небо»

В то время, пока Лео охотится в свое удовольствие, она, как главная, присматривает за страной и порядком в мире. Когда появляется угроза, Аэша ведет войско в бой:

«Пусть возьмут с собой припасов на две недели. Я поведу войско сама»

Она и полководец, и предводитель, и духовный лидер своих воинов:

«Стрелы и копья затмили солнце. Вокруг нас падали убитые. Но белая одежда Аэши развевалась впереди. С восторженным криком войско шло за ней, и через пять минут мы были на берегу. Завязалась еще более ожесточенная битва, но Аэша не отступала ни на шаг, и ее люди шли за ней или умирали»

К ней обращаются более не «Она», не «Та, которой все повинуется». Теперь она богиня:

«Богиня! - раздался возглас. - Поклонитесь богине!»

Аэша коронуется на царство, раздает власть, поднимает Лео до своего бессмертного величия.

«Этим ничтожным земным символом венчаю тебя на земное царство. Будь царем! Этим неразрывным кольцом, знаком вечности, дарую тебе бессмертие. Живи, пока стоит мир, и будь его и моим властелином. Дарю тебе этим золотым обручем золотое сокровище знания. Это талисман, который откроет тебе все тайны природы. Победоносно пойдём мы с тобой её дивными путями, поднимемся до вершины утеса и вступим на престол бессмертия, поддерживаемый двумя столпами - Жизнью и Смертью»

Подводя итог анализу, мы можем сказать, что образ Аэши раскрывается, становится более глубоким и многоплановым. Из женщины, равной по власти и возможностям мужчине, она превращается в богиню, стоящую выше человеческих норм и понятий морали. Она богиня, полюбившая смертного, страдающая из-за невозможной любви. Из грозной и пугающей властной доминантки она превращается в загадочную прекрасную и непостижимую деву. В её образе много аллюзий и на эпоху (в длительном трауре и верности возлюбленному, в справедливом и мудром правлении можно увидеть намек на королеву Викторию), культурные реалии (философия рубежа веков, идеи Ницше и Шопенгауэра, неоромантизм), а также на мифологический контекст.

Теперь следует рассмотреть взаимоотношения двух соперниц. Если в романе «Она» Аэша убивает свою конкурентку, когда та оказала сопротивление, то здесь ревнивой и несдержанной предстает Афина, которая не скупится на оскорбления в разговоре с Аэшей. Она пытается её унижить, опорочить её имя:

«Эти два человека видели тебя в прошлом. Сбрось с себя так ревниво скрывающие тебя одежды. Покажись нам в твоей несравненной божественной красоте. Твой возлюбленный, конечно, узнает тебя. Но и тогда я буду считать тебя злым гением, ценой убийства купившим бессмертие и околдовывающим души своей дьявольской красотой»

Афина провоцирует Аэшу на спор, побуждая её применить силу. Поведение Афины вызывает порицание даже у своего дяди:

- Я не откажу твоему супругу в этой последней почести, не откажу и тебе, Афина, когда придет твой черед.

- Благодарю тебя, Гезея! Но не лучше ли было бы записать твое данное

мне заранее разрешение, потому что твои волосы белы, как снег, и ты скоро нас покинешь. Прикажи записать твою волю, чтобы твоя преемница исполнила ее.
- Замолчи, дитя неразумное! - сказала Гезея. *- Ты не ведаешь, что завтра пламя поглотит твою преходящую молодость и красоту, которыми ты так гордишься.*

Аэша спокойно терпит уколы соперницы, отвечая ей порой иронично, порой благосклонно:

- Прекрасный мир! Дарю тебе его.

- Не собираешься ли ты, Гезея или демон, рожденный из бездны, - не знаю, кто ты, подарить ему мою землю? Так знай же, что раньше надо ее завоевать! - заявила Афина.
- Речь твоя недостойна и низка, - отвечала Аэша, *- но я прощаю вам обоим. Мне не нужна твоя ничтожная власть, которую, знай это, ты получаешь от меня же. Я скоро посетю тебя в твоей столице. От тебя зависит, приду ли я с миром или войной. Измени же свой двор, улучши законы своей страны, чтобы народ был доволен. Мой совет тебе - выбери себе мужа, который был бы справедливым и мудрым ханом.*

Афина дважды пыталась убить Аэшу: отравленным кинжалом и столкнуть в пропасть, но неудачно. Аэша спасла ее от падения. Она проявила милосердие и мудрость. Однако, когда Афина объявила войну, Аэша повела свое войско против Калуна и покарала всех повстанцев.

Если Афина представляет несдержанность, она пытается завоевать любовь мужчины, очерняя соперницу, то Аэша терпелива, она парирует достойно, не унижая Афину, не унижая ее. Она ведет борьбу с конкуренткой не викторианскими методами, однако же мудро и даже дипломатично.

Выводы по II главе

Романы из цикла об Аэши уникальны, экзотичны и также являются отражением своей эпохи. В них поднимается социальный, нравственный, философский и психологический вопросы и отражены проблемы рубежа веков.

Первый роман – «Она» невероятно новаторский. В нем показаны два ярких женских образа: правительница Кор Аэша и женщина из племени Амахаггер Устаны. Обе женщины являются полной противоположностью канонам Викторианской эпохи, более того, они отличны от женских образов романов современников и предшественников Хаггарда. В Аэше

и Устане есть черты Новой женщины, но также взаимоотношения полов, положение женщины (не только правительницы, но и обычной) в обществе, ее права и обязанности изображены с опережением своего времени.

Аэша, с одной стороны, это пугающий женский образ, это страх перед Новой женщиной, опасения женского феминистического движения. Аэша изображена как *femme fatale*, она прекрасна, но красота ее несет зло, она властна, любит командовать и отдавать приказы. Она – «Та, которой все подчиняется», ее власть и могущество непоколебимы, поэтому она вызывает трепет. С другой стороны, она любящая женщина, ее любовь прекрасна, как и внешность Аэши.

Женщины племени Амахаггер (в том числе и Устана) показаны равными мужчинам. Порядки и моральные нормы, институт брака и развода настолько революционны, что в Викторианскую эпоху было бы сложно представить, что такое возможно. Женщины в романе «Она» самодостаточны, у них есть право голоса, они могут выбирать мужей и уходить от них, когда захочется. Они не стеснены довлеющей моралью, они живут в согласии со своими принципами и желаниями. Более того, власть в Амахаггер передается по женской линии, женщины могут наследовать и быть наследницами.

Второй роман Р. Хаггарда «Аэша: Возвращение Ее», написанный в начале XX века (в 1905г.), тем не менее, даже более викторианский, чем первый роман цикла. Несмотря на то, что он теряет реалистичность (действие происходит в реальных местах, но есть магические, культовые, обрядовые мотивы, описана реинкарнация и судилище умерших), в женских образах появляются некоторые черты, роднящие женщин с викторианками, хотя в целом, их даже нельзя сравнивать с каноном, потому что роман «Аэша» настолько далек от сравнения с викторианскими шаблонами, что женские образы представляют собой особую парадигму.

Если в первой книге для женщины было совершенно нормально открыто высказывать свою привязанность к мужчине, то здесь Хаггард делает небольшой шаг назад, Афина, поцеловавшая понравившегося ей незнакомца, стыдится своего поступка, особенно ее волнует то, что это мог видеть второй чужеземец – Холли.

Брачные узы, помолвка и замужества изображены в более традиционном свете (Афина не может выйти замуж, пока жив ее муж, Аэша не хочет прикасаться к телу жениха до свадьбы, между помолвкой и свадьбой должно пройти время, она не хочет торопиться). Однако обе женщины также сильны, независимы, одна считает себя равной богам, вторая же

является божественной женщиной. Если в первом романе женщина доминировала и подавляла, она оспаривала возможность быть у власти, она поражала своей независимостью и своим откровенным поведением, то здесь важно то, что происходит в душе, здесь социально-культурный контекст меняется на психологический. «Аэша: Возвращение Ее» - это ностальгия по ушедшему веку и ушедшей эпохе. В 1901 году умерла королева Виктория, закончилось благодатное время, начались перемены, которые все предчувствовали, которых так боялись. Второй роман Р. Хаггарда стал прекрасным образцом литературы *fin de siècle*.

В романе так же два женских образа, которые сталкиваются, делят любовь одного мужчины. Афина, она же Аменарта, ханша Калуна, реинкарнация древней жрицы. Она сильна духом и телом, она правит страной, пока ее супруг болен, люди считают ее прекрасной ханшей, но она холодна, жестока, из-за нее и ее дяди Рассен впал в безумие. Афина – это *femme fatale*, все мужчины, полюбившие ее, погибли, хан лишился рассудка. Но и ее любовь счастья не приносит: Лео чуть не погиб от собачьей травли, в Калуне он был больше пленником, чем гостем. Афина ослеплена завистью, эмоциями и порывами, которые лишают ее возможности здраво мыслить.

Аэша же, наоборот, из *femme fatale* превращается если не в ангела, то в прекрасную богиню древности, которая может как наградить, так и наказать. Она все так же отважна, сильна и властна, но любовь изменила ее, как внешне, так и духовно. Она стала более податливой, сдержанной и женственной.

Образ Аэши составлен из нескольких мифологических образов. Во-первых, из кельтской мифологии, в которой есть две феи, отдавшие сердце смертному мужчине. Первая из них, фея Прессина, полюбившая смертного и вышедшая за него замуж при условии, что он не будет заходить к ней во время родов и купания детей. Смертный муж нарушает запрет, и она его покидает. Другой женский образ – дочь Прессины Мелюзина, водяная фея. Она так же, как и мать, выходит замуж за смертного, поставив ему условие: он не должен видеть ее в зверином облике (не заходить к ней по субботам), муж нарушает запрет, однако она прощает его. Аэша – бессмертная женщина, полюбившая простого мужчину, идет на компромисс, согласившись на брак с ним, но просит его оставить ее, пока она говорит с духами. Лео видит Аэшу во тьме, что пугает его, отталкивает, однако Аэша прощает его.

С другой стороны, в одной из трактовок мифа о Мелюзине есть версия, в которой после того, как запрет нарушен, бессмертная женщина покидает мужа. Он ищет ее и либо

находит, либо теряет навсегда. После того, как Аэша, сама нарушив запрет Исиды, теряет силу в огненном источнике жизни и исчезает, Лео отправляется на ее поиски, но, найдя ее, Лео понимает, что им не суждено быть вместе. Их счастье недолгое, Аэша убивает поцелуем Лео и теряет его.

Смертельный поцелуй Аэши роднит ее с Лилит, демонической женщиной, первой женой Адама, которая покинула его и стала символом гибели. Но Аэша из «Возвращения Ее» не столько роковая женщина, сколько трагичная и несчастная бессмертная, которая в силу своей неземной природы не может быть с любимым. Она похожа на Ундину, которая вышла замуж за рыцаря, любовь к смертному пробудил в ней нежность и доброту. Муж так же нарушил запрет, и ее поглотила водная пучина, она исчезла, якобы погибла (почти как Аэша). Второй раз Ундина является на свадьбу рыцаря с другой женщиной, и рыцарь понимает, что любит ее, однако поцелуй Ундины приносит рыцарю смерть.

Однако, помимо мифологических аллюзий, в образе Аэши есть и современные реминисценции. Она очень напоминает королеву Викторию, которая, всю оставшуюся жизнь несла траур по рано умершему принцу Альберту. Именно поэтому Аэша предстает как разумная правительница, ее доминантные и агрессивные черты сглажены, она более женственна и ранима, она готова быть вначале женой, а потом уже королевой и лидером.

У Хаггарда огромную роль играет красота, она является частью двойственной природы персонажа. В первом романе красота пленяет и губит, ее называют «красотой зла», но все же Лео и Холи попадают под чары Аэши. Во втором романе Аэша становится безобразной, но любовь возвращает ей красоту. Затронут вопрос о соотношении духовной и физической красоты, на что Аэша отвечает, что она и красива, и уродлива, и зла, и добра. Это позиция литературы рубежа веков, с ее интересом в красоте, психологизму и двойственности человеческой природы.

Хаггард создает новый женский образ. Среди его современников были те, кто создавал новаторских нетипично викторианских женских героинь (например, Т. Харди и У. Колинз), но даже у нетипичных женщин (не милых, пассивных и добродетельных) был своеобразный хэппи-энд: порок был наказан, а добродетель торжествовала. У Хаггарда нет счастливого конца. Устана погибает, пытаясь отстоять право быть женой Лео. Аэша лишается молодости и вечной жизни, исчезает. Во второй книге, Афина, пытаясь завоевать любовь Лео, гибнет вместе с частью своей страны, после обретения красоты и бессмертия, Аэша остается одна,

так как Лео погибает. Причем она убивает его своим поцелуем. Порок и добродетель одинаково несчастны, судьба несправедлива ко всем.

Глава III. Энн Бронте и викторианский роман первой половины 19 века

3.1 Жизнь и творчество Энн Бронте

Энн Бронте (1820-1849 гг.) была младшей из знаменитых сестер Бронте. Семья Бронте стала уникальным случаем в истории английской культуры. Не так много было семей, чьи творческие достижения вошли в золотой фонд европейской культуры, а Бронте было как раз таким семейством⁵⁹. Девушки, выросшие в глубокой провинции, владели незаурядным талантом, обладали знанием жизни, они сумели поразить своих современников глубиной понимания современной им эпохи и силой ее художественного осмысления.

Сестры Бронте провели значительную часть своей жизни в деревушке Хауорт, Йоркшире. Отец семейства, Патрик Бронте, был выходцем из ирландской крестьянской среды. Он был сельским пастором, небогатым, но хорошо образованным, отличался строгостью, порой граничившей с деспотизмом. Он сумел передать своим детям тягу к знаниям и любовь к прекрасному. Шарлотта и единственный брат Патрик Брэнзуэл отлично рисовали, Эмили и Энн сочиняли стихи и прозу. Поскольку дети рано лишились матери, Патрик Бронте отправил дочерей в Коуэн-Бридж, школу для детей сельского духовенства, решение, которое приведет в дальнейшем к трагическим последствиям. Ужасные условия, в которых приходилось жить воспитанницам школы, стали причиной смерти двух старших сестер, Мэри и Элизабет (они умерли от туберкулеза). Патрик Бронте забрал выживших детей домой, но в дальнейшем чахотка унесет жизни и других его детей.

В предметы домашнего образования Энн входили рисование и музыка. Игре на пианино сестер обучал органист из Keighly Church⁶⁰. Навыкам рисования сестер Бронте учил Джон Брэдли, и все трое недурно рисовали. Тетушка пыталась обучить девушек ведению хозяйства, но их умы были больше заняты творчеством и литературой⁶¹.

Шарлота Бронте однажды так отозвалась о таланте своих сестер:

“ In externals [Emily and Anne] were two unobtrusive women; a perfectly secluded life gave them retiring manners and habits. Under an unsophisticated culture, inartificial tastes, and an

⁵⁹ История западноевропейской литературы. XIX век: Англия: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений/ Под ред. Л.В. Сидорченко, И.И. Буровой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – С. 279.

⁶⁰ Barker J The Brontës. – London: Weidenfeld&Nicolson, 1994. – P. 150.

⁶¹ Fraser R. The Brontës: Charlotte Bronte&Her Family. – Danvers: Crown, 1988. – P. 45.

unpretending outside, lay a secret power and fire that might have informed the brain and kindled the veins of a hero;...Neither Emily nor Anne was learned; they had no thought of filling their pitchers at the well-spring of their minds; they always wrote from the impulse of nature, the dictates of intuition, and from such stores of observation as their limited experience had enabled them to amass”⁶²

На первый взгляд [Эмили и Энн], были двумя непримечательными девушками; жизнь в полнейшей изоляции наложила особенный отпечаток на их манерах и привычках. За безыскусной культурой, простыми вкусами, и лишенным намека на притворство внешним видом скрывалась тайная сила и огонь, который мог бы гореть в душе и сердце героя;...Ни Эмили, ни Энн не были учеными; они никогда не пытались искать вдохновение в роднике своего разума; они всегда писали по велению природы, по воле интуиции, исходя из того ограниченного опыта наблюдений, которым они владели⁶³.

Энн Бронте родилась в небольшой деревне Торнтон, но спустя несколько месяцев семья переехала в Хауорт. Она была шестым ребенком в большой семье и, как и практически все дети, умерла в самом расцвете жизненных и творческих сил. Энн Бронте можно считать самой практичной из сестер, ведь она, несмотря на скромность и застенчивость, преодолевая множество препятствий и трудностей, была единственной, кто работал без перерывов до конца своей жизни.

Она писала стихи, наибольшим успехом из них пользовались те, которые раскрывали тему утраты и скорби. Этому способствовала личная драма поэтессы: она была влюблена в помощника священника Уильяма Уэйтмена. К сожалению, холера унесла его жизнь до того, как любовь двух молодых людей успела расцвести, что оставило неизгладимый след в жизни Энн Бронте.

Именно поэзия Энн стала решающим фактором в творчестве сестер Бронте. Стихи Энн побудили застенчивую Эмили согласиться на издание общего сборника стихов, тогда же три сестры выбрали себе псевдонимы: Каррер, Эллис и Эктон Белл. Энн Бронте писала под псевдонимом Эктон Белл.

⁶² What a matter of woman: Essays on English and American life and literature/ Ed. M. Springer. – New York: New York University Press, 1977. – P. 105.

⁶³ Перевод на русский: В. Д. Наумова

Несмотря на то, что Энн и по сей день пребывает в тени славы своих старших сестер, она по праву считается величайшим писателем Викторианской эпохи. Ее дебютный роман «Агнес Грей» получился во многом автобиографичным, в нем повествуется об испытаниях и трудностях юной гувернантки. Роман прекрасно структурирован и есть основания полагать, что именно⁶⁴ он предвосхитил знаменитую «Джейн Эйр» Шарлоты Бронте.

Второй роман «Незнакомка из Уайлдфел-Холла» стал поистине революционным. В нем затронуты не самые приглядные социальные темы: алкогольная зависимость, насилие в семье, а также поднимается вопрос о праве женщины делать самостоятельный выбор и принимать решения.

Энн достигла литературного успеха, но, к сожалению, болезнь трагически унесла жизнь писательницы. В возрасте 29 лет Энн Бронте скончалась от туберкулеза. Она похоронена в Скарборо, в местечке с видом на море, которое она так любила.

3.2. Роман «Агнес Грей» и анализ женских образов

В «Агнес Грей» есть черты педагогического и любовного романа, в нем рассказывается о воспитании детей, трудностях и не самых лицеприятных сторонах жизни гувернантки, а также о нравах современников и поисках собственного счастья. В некоторых женских образах есть зачатки женского протеста и желания независимости, но в целом, «Агнес Грей» - это викторианский роман, в котором добродетель вознаграждена (замужество, разрешение проблем, счастливый конец), а порок наказан, торжествует справедливость. Агнес Грей обретает счастье ни в независимости, ни в освобождении от работы гувернанткой и нахождении своего места в обществе, но в замужестве по любви. Розали наказана ужасным мужем, потерей возможности выходить в свет, ее замужество сродни положению птицы в золотой клетке. Розалии не может тратить деньги, принимать решения, заниматься тем, чем она хочет. Таким образом, женщина все так же зависима от мужчины. Жена и муж все так же представлены как часть одного целого, главный в котором мужчина.

Мы проанализировали все женские персонажи, встречающиеся в романе, по тому же принципу, что и в главе II: внешние характеристики, внутренние характеристики и социальное положение.

⁶⁴ Anne Bronte [Electronic resource]. – URL: <http://www.annebronte.org/>. – (дата обращения: 24.03.2017).

Агнес Грей

Внешние характеристики

Описания внешности Агнес довольно скудные. Причиной тому может быть, во-первых, нарратив от первого лица, при котором довольно сложно пространно описывать собственную внешность, и что, в любом случае, делает Агнес ненадежным рассказчиком, ее представления и описания субъективны, просеяны через призму ее мировосприятия. Во-вторых, что более существенно, это делает еще больший акцент на скромном и религиозном характере героини, которая красоте внешней предпочитает красоту внутреннюю.

Во внешних характеристиках Агнес порой прослеживаются отголоски викторианского канона, точнее, попытки им соответствовать.

«Увидев себя в зеркале, я ужаснулась: от холода мои руки покраснели и опухли, ветер спутал развившиеся волосы и придал моему лицу лиловатый оттенок. Добавьте к этому, что мой воротничок безобразно измялся, а платье было забрызгано грязью, как и новые ботинки на толстой подошве».

Аристократическая бледность, но, что более важно, опрятность и аккуратность ценились во внешнем виде девушки. Прекрасный ангел должен был быть прекрасным во всем. Агнес довольно серьезно переживает по поводу «забрызганного грязью» платья и помятого воротничка, для нее важно соответствовать нормам этикета.

Первое относительно подробное описание внешнего вида героини встречается во второй половине книги, когда та влюбилась в помощника священника и внезапно осознала, что он может отдать свое сердце мисс Розали.

«Но теперь я, случалось, по две минуты рассматривала в зеркале свое отражение, хотя никакого утешения оно мне не дарило. Крупные черты лица, бледные впалые щеки, темно-каштановые самые обычные волосы — что в них красивого? Пусть лоб говорит об уме, а темно-серые глаза, лишенные проблеска чувства, ценятся куда выше! Жалеть, что ты некрасива, — глупо...»

Конкуренция за мужчину, пусть и пассивная, заставила героиню относиться к красоте и своему внешнему виду более серьезно. В девушках ценили красоту и манеры, и пусть

Агнес была в разы умнее Розали, более интересным и начитанным собеседником, она понимала, что общество и, в частности и по преимуществу, мужчины оценивают дам по совершенно другим критериям. Уэстон к тому же дал понять, что не приветствует в девушках фанатичную любовь к чтению, поэтому Агнес, не интересующейся красотой как явлением, все же пришлось обнаружить в себе женские чары под угрозой конкуренции.

Внутренние характеристики

В описаниях характера и мировоззрения героини можно выделить два параметра: ее личные комментарии о себе и оценки других персонажей (господ, учениц, Уэстона, семьи).

О себе

Среди внутренних характеристик, данных Агнес о самой себе, можно выделить те, которые противоречат викторианскому канону и те, которые его подтверждают. В начале романа девушка более решительна, даже слегка эмансипирована (или желает таковой казаться), но с дальнейшим развитием сюжета Агнес все больше начинает соответствовать в той или иной степени викторианскому канону.

Детство героини проходило в бедности, она с ранних лет постигла горечь нужды, что закалило ее характер:

«Хотя в богатстве была своя прелесть, бедность нисколько не страшила меня, молоденькую и совсем не знающую жизни. Напротив, сказать правду, в мысли о нужде, с которой нам предстояло бороться, крылось что-то вдохновляющее».

Скромность и даже некоторая уничижительность, свойственная викторианцам, не обошла и Агнес, так как она сама себя считала избалованной и неподготовленной к бедной жизни:

«Я была моложе Мэри на шесть лет и оставалась «деточкой» и любимицей всей семьи — папа, мама, сестра меня избаловали — нет, не глупой снисходительностью, которая сделала бы меня капризной и непослушной, а ласковой заботливостью, приучившей меня к беспомощности и зависимости от них и не подготовившей к жизненным заботам, ударам судьбы и невзгодам».

Главным словом в викторианскую эпоху было «полезность», ценились такие качества как умеренность, экономность и рассудительность. Агнес, желавшая помочь своей семье, но не имевшая возможности избрать прибыльные сферы, так как женщины не имели права учиться и работать (имеется в виду в интеллектуальных и прибыльных сферах), решает стать гувернанткой, что было весьма популярно для образованных, но бедных юных леди. Убеждая своих родителей разрешить ей попробовать себя в этой сфере, Агнес утверждает:

«Вы просто не знаете, какая я благоразумная и рассудительная, потому что у меня не было случая доказать это».

Тем не менее, в ее представлении эта должность даст ей свободу, поможет вырваться из этого порочного викторианского круга. По юности лет Агнес представляет себя первопроходцем, смелой девушкой, которая, несмотря на устои старого мира, сможет создать новый, счастливый:

«Как было бы чудесно стать гувернанткой! Увидеть мир! Начать совсем новую жизнь, самой все решать за себя, дать применение своим пропадающим втуне способностям, испробовать свои силы, самой содержать себя, откладывать что-то для папы, мамы и сестры, освободив их от необходимости кормить меня и одевать! Показать папе, чего может достигнуть малютка Агнес!»

В этом есть некие зачатки образа Новой женщины. Примечательно, что первые «новые женщины» вышли из среднего класса, из образованных, но небогатых женщин, которые хотели изменить свою жизнь, и которые могли грамотно сформулировать, зачем им это нужно.

Несмотря на трудности, с которыми девушке пришлось столкнуться в первой семье, она была намерена доказать свою правоту, а также быть своеобразным «добытчиком» в семье:

«Кроме того, гувернанткой я стала по собственному настоянию и все эти испытания навлекла на себя сама, а потому была исполнена решимости выдержать их. И я даже не

жалела ни о чем: я все еще жаждала показать моим близким, что справлюсь со взятыми на себя обязанностями, и справлюсь с честью».

Ей свойственно некое рыцарство, долг и честь для Агнес превыше всего, более того, после провала с Блумфилдами, она была намерена и дальше работать гувернанткой, несмотря на протест семьи и разочарование, которое пришло на смену идеализации жизни гувернантки:

«Я приобрела опыт, закалилась в неудачах и непременно должна восстановить мою честь в глазах тех, чье мнение было мне дороже всего в мире».

Ей была противны лесть и лицемерие, такие популярные черты викторианской эпохи. Она отказывается играть по правилам Блумфилдов, которые насквозь пропитаны этими пороками:

«Все это, как и болтовня детей, убедило меня, что я легко обрету ее сердечную дружбу, если буду льстить ей при каждом удобном случае. Но это было противно моим принципам...»

И все же викторианские черты превалируют в Агнес. Она постоянно пытается скрыть свои чувства:

«Чтобы ничем не выдать свои чувства, я спрятала лицо в ладони, и они тут же стали мокрыми от слез. Поднимаясь с колен, я увидела, что Мэри тоже плакала, но мы обе промолчали и только теснее прильнули друг к другу»

«...к большому возмущению Салли, нашей служанки, пожала руку ей, забралась в двуколку, опустила вуаль и тогда — но только тогда! — залилась слезами».

Когда она начинает влюбляться в священника Уэстона, Агнес пытается скрыть эти «дикие чувства даже от самой себя, ведь влюбленность в ее положении, с ее перспективами — это блажь, а блажь — это неправильно.

«Дай Бог, чтобы хозяйка этого дома была достойна его выбора и сделала их семейный очаг счастливым. Кто это заслужил, как не он? И как было бы чудесно, если бы...» Впрочем, неважно, о чем я тогда подумала.»

Для нее важно быть «хорошей», соответствовать общепризнанному канону поведения:

«Для меня в ее возрасте, да и раньше, не было страшнее наказания, если со мной переставали разговаривать или называли плохой девочкой...»

Агнес привязана к семье и дому, семья для нее – главное, это вся ее жизнь:

«Да, это такое огромное утешение, что без него [родного дома] я, наверно, не могла бы жить...»

Она весьма скромна и «замалчивает» свои хорошие качества, упоминая о них, всегда добавляет, что в действительности не она хороша, а безнравственны люди, окружающие ее:

«Ведь в их доме только я одна исповедовала высокие нравственные принципы, неизменно говорила правду и всегда старалась ставить долг превыше желаний — все это я упоминаю, разумеется, не для того, чтобы похвалить себя, но чтобы показать, какова, к несчастью, была семья, где мне пришлось служить.»

Агнес выучила, что правильно и должно подавлять свои желания и «неверные» мысли, поэтому терпение стало одним из основных ее качеств и добродетелей, так ценимых в Викторианскую эпоху.

«Мое единственное оружие — Терпение, Твердость и Настойчивость, и уж ими я воспользуюсь во всю меру!»

Она боится стать помехой для других людей, готова жертвовать собственным комфортом, чтобы не мешать и не беспокоить других:

«Сама я предпочитала пешую прогулку, но выбор полностью предоставляла им, так как никому не хотела навязывать свое присутствие и никогда не доискивалась до причин их разнообразных капризов.»

Также, хоть Агнес было не свойственно викторианское лицемерие, все же ей приходилось кривить душой, чтобы быть вежливой:

— Мисс Грей, я просто не понимаю, как вы это выносите.

«Выношу, потому что у меня нет выбора», — могла бы я отрезать, но, щадя их чувствительность, ответила только:

— Но путь такой короткий! И я не обращаю особого внимания, только бы в церкви дурнота проходила.

Или держать лицо:

«Я уже давно привыкла отмалчиваться, когда говорились вещи мне глубоко неприятные. И еще я научилась сохранять на лице спокойную улыбку, когда сердце мое переполняла горечь.»

В общении с мужчинами Агнес ведет себя как идеальная викторианская девушка. Она добра и приветлива, скромна, в основном слушает и ни в коей мере не показывает своих чувств:

«Я поблагодарила его. Тепло ли или холодно, сказать не могу, но во всяком случае не выразив и половины той благодарности, которую испытывала.»

Несмотря на то, что это не играло ей на руку, скорее, наоборот, Агнес всячески скрывала свою привязанность к Уэстону, не выдавая себя ничем, ведь лучше было страдать от разбитого сердца или неразделенной любви, чем скомпрометировать себя:

«...мое сердце забилося так отчаянно, что я испугалась, не выдала ли я своих чувств.»

Она не может никому сообщить о том, что думает и чувствует, ведь это не принято.

«Однако бывают мысли, которые открыты всем ангелам небесным, но не нашим ближним, даже лучшим и самым добрым из них.»

Фактически вслед за Элизабет Беннет, которой так же «о многом пришлось молчать», Агнес никому не рассказывает ни о своей влюбленности, ни о страданиях и неприятностях в должности гувернантки.

Агнес постоянно приходится подавлять свои чувства, она не может быть естественной, не может делать то, что ей хочется, вести себя, как хочется. Она постоянно чем-то или кем-то ограничена, и, даже ощущая дискомфорт, она не думает, что это неправильно, что должно быть иначе:

«Больше всего мне хотелось опуститься в кресло у изголовья, сунуть голову в подушку и найти облегчение в бурных слезах. Но, увы! Мне пришлось вновь сдерживать и подавить свои чувства»

Когда героиня должна была оставить место гувернантки и вместе с матерью управлять пансионом, она впервые осознала всю «серость» и «безрадостность» жизни бедной и незамужней девушки. Расставание с любимым человеком, которому она не могла сказать о своих чувствах лишило ее радости и смысла жизни. Без любви, без замужества жизнь видится серой и пустой.

«...чтобы мы побыстрее вернулись в Хортон-Лодж и, укрывшись у себя в комнате или в укромном уголке сада, я могла бы дать волю своим чувствам — оплакать наступившую разлуку, мои ложные надежды и обманчивые мечты. Один-единственный раз, а затем навеки отказаться от глупых грез и думать лишь о серой, непреодолимой, грустной действительности.»

Порой она забывается и готова отдаться горю безответной любви, но затем вспоминает о долге, о семье и о религии, что заставляет ее преодолеть эту грусть:

«Я чувствовала, что понемногу слабею, у меня пропал аппетит, уныние и вялость все более овладевали мною. Но раз я ему безразлична и мне больше не суждено его увидеть, раз мне

возбраниется заботиться о его счастье, возбраниется вкусить радости любви, благословлять и быть благословенной, тогда жизнь превращается в тяжкое бремя, и, если бы Отец Небесный призвал меня к себе, я с благодарностью обрела бы вечный покой. Но умереть и оставить маму горевать? Бессердечная, недостойная дочь, как ты могла хотя бы на миг забыть о ней?!»

В финале романа, когда привязанность Уэстона к Агнес очевидна, он не сразу стремится рассказать о своих чувствах.

«— Надеюсь, я не был слишком уж поспешен, — сказал он серьезным тоном.» - предложение руки и сердца, сделанное Уэстоном в последних главах романа.

После нескольких лет знакомства, разговоров и бесед, Уэстон все равно уточняет, не легкомыслен ли его поступок. Пытается соблюсти викторианские каноны, которые, как он думает, соблюдает и Агнес. Помолвка по викторианским канонам не должна была быть стремительной, тайной и легкомысленной. Несмотря на продолжительное знакомство, в рамках викторианской морали Агнес и Уэстон были едва знакомы.

Со стороны

Характеристика Агнес со стороны господ чаще всего нейтральная или негативная. Но, как уже было сказано, эти характеристики, хоть и даны другими персонажами, просеяны через сознание Агнес.

Блумфилды видели в ней беспечную и некомпетентную гувернантку:

«Причина же, по ее мнению, заключается в том, что я была недостаточно тверда, настойчива и заботлива.»

Миссис Мэррэй постоянно критиковала работу Агнес, пеняя ей обидчивостью и безразличием к ученицам:

«Вот если бы вы прилагали больше стараний, чтобы занимать мисс Матильду, она не была бы вынуждена искать развлечений в обществе собак, лошадей и конюхов, как теперь. И будь вы более веселой и интересной собеседницей, мисс Мэррей реже бродила бы по лугам с

книгой в руке. Ну, не будьте такой обидчивой, иначе с вами вообще невозможно будет разговаривать!»

Ей читают нотации, упрекают в лени и отсутствии благоразумия, находя ее неинтересной собеседницей для господ:

*«Милая мисс Грей! Просто **поразительно!** Полагаю, от вас нельзя требовать того, что вам не дано природой, и все же я удивляюсь, что вам не удастся завоевать доверие девочки, так чтобы ваше общество было ей **по меньшей мере** столь же приятно, как компания Роберта или Джозефа!»*

Но все эти замечания лишь больше убеждают нас в терпеливости и порядочности Агнес. Акценты, поставленные на словах, передающих речь миссис Миррэй отражают ироничное отношение Агнес к происходящему.

Наиболее интересными представляются характеристики, данные матерью Агнес. Она, говорит о том, что ни Агнес, ни ее сестра не были в детстве «ангелами», в чем, несомненно, есть намек на викторианский образ «домашнего ангела» и что Агнес ему не соответствует.

«Впрочем, на ангелов вы не слишком походили. На Мэри нападало упрямство, а ты вспыхивала как порох. Хотя чаще вы были очень хорошими девочками».

И также она подтверждает решительность и твердость характера Агнес:

«Что же, деточка, как вижу, обескуражить тебя не так-то просто».

Мать отмечает, что героиня весьма образована и владеет практически всем «золотым списком» викторианской девушки:

«Не всякая дочь бедного священника обладает твоими достоинствами, Агнес, ... Музыка, пение, рисование, французский язык, латынь и немецкий язык — список довольно внушительный...»

Через мнение своих учениц Агнес рисует свой личный портрет:

«Мисс Грей была чудачка — никогда не льстила им и почти не хвалила, но уж если она одобряла их самих или что-то им принадлежащее, они знали, что сказано это искренне. Обычно она была очень уступчива, тиха, покладиста, но кое-что выводило ее из себя. У нее обо всем было свое твердое мнение, хотя подчас и очень скучное, — ведь она всегда думала о том, что хорошо, а что дурно, питала непонятное благоговение к религиозным вопросам и столь же непонятные симпатии к добродетельным людям».

Помощник священника Уэстон отчасти винит викторианское общество, но отчасти и саму Агнес в том, что она стала невидимкой, которую не уважают и не замечают:

«Вина лежит отчасти на обществе, отчасти, мне кажется, на тех, кто вас окружает, но отчасти и на вас самой. Многие барышни в вашем положении сумели бы поставить себя по-другому. И ваши ученицы могли бы в какой-то мере заменить вам подруг.»

Социальное положение

Из-за бедности и незнатности рода отца, Агнес пришлось терпеть и лишения, и оскорбления.

У нее не было гувернантки, мать, выросшая в более высоком обществе, смогла сама обучить девочек всему необходимому, также семье Агнес пришлось находиться в определенной изоляции от общества:

«Мы с Мэри росли в строгом уединении. Мама, отлично образованная и деятельная, занималась нашим воспитанием сама и учила нас всему, кроме латыни, преподавать которую нам взялся папа, а потому в пансион нас не отдали. Подходящих для нас подруг в округе не было, и наше знакомство с миром ограничивалось чопорными чаепитиями в обществе наиболее зажиточных местных фермеров и лавочников (устраиваемыми только для избежания обвинений в чванстве) да ежегодными поездками к дедушке по отцу, в чьем доме, кроме него самого, добрейшей нашей бабушки, незамужней тетушки да двух-трех пожилых дам, мы никого не видели».

Мать Агнес не могла позволить себе гувернантку, экономку и несколько слуг, поэтому с детства Агнес и Мэри приходилось экономить, учиться быть практичными и самостоятельно готовить еду:

«Наши платья чинились, перелицовывались и штопались почти до неприличия; наша пища, и всегда простая, теперь стала совсем-уж неприхотливой — не считая двух-трех любимых блюд папы; уголь и свечи строго экономились. Вместо двух свечей — одна, которая почти не зажигалась, уголь всячески сберегался, особенно когда папа отсутствовал по делам прихода или лежал больной в спальне — в таких случаях мы ставили ноги на каминную решетку, сгребали скудные тлеющие угли в кучку и подсыпали полсовка угольной пыли и крошева, только когда они грозили вовсе угаснуть. Ковры совсем истерлись, а заплат и штопки на них было даже больше, чем на нашей одежде. Чтобы не тратиться на садовника, мы с Мэри возделывали огород, а стряпней и уборкой, с которыми одна служанка справиться не могла, занимались мама с Мэри, иногда прибегая к моей помощи».

Тем не менее, это были не крестьянские дети, или нищие, которым грозила долговая тюрьма или работный дом.

Как к девушке, к ней относились с легким пренебрежением, не поручая ей серьезных дел, если только то не были «женские» дела:

«Так поручи мне что-нибудь!»

«Деточка, это не для тебя. Пойди повтори гаммы или поиграй с котенком».

Когда Агнес стала гувернанткой, то ей либо помыкали (как, например, дети Блумфилдов), либо игнорировали.

В семействе Блумфилдов Агнес постоянно заставляли делать что-то, приказывали, подавляли.

— А теперь надевайте шляпку и шаль! — распорядился юный герой. — Я покажу вам мой садик.

— Но ведь следить за этим не твое дело, а...

— Идите наденьте шляпку!

— *Право же... погода такая холодная, пасмурная. Вот-вот начнется дождь... И ты знаешь, я ехала так долго...*

— *Ну и пусть, а пойти вы должны: никаких извинений я не приму...*

Особенно это видно на примере Тома Блумфилда, который рос домашним деспотом, мужчиной, который считал себя главным, а женщин лишь придатком мужчин.

«После того как я рассмотрела там каждый цветок и выслушала лекцию о каждом растении, мне было разрешено удалиться».

У девушки не было выбора, ей было необходимо место гувернантки, чтобы откладывать деньги и помогать себе, или просто иметь хоть какие-то деньги на собственное содержание, так как отец, который был главой семьи и «кормильцем», едва с этой задачей справлялся. Положение Агнес было довольно неприятное.

«..что это значит учить и воспитывать буйных, злокозненных неслухов, которые вопреки всем вашим усилиям не делают того, что должны, а вы отвечаете за их поведение перед высшими, властями, лишающими вас и помощи, и средств исполнять их же требования, то ли по лености, то ли из страха восстановить против себя вышеупомянутых неслухов. Трудно придумать более мучительное положение..»

Дети постоянно издевались над ней, не слушались, пытались испортить личные вещи, а Агнес ничего не могла им противопоставить, так как не имела на это право. Мать не поддерживала гувернантку, отец откровенно обвинял: «По меньшей мере странно, что вы не в состоянии с ними сладить, хотя они поручены вашим заботам!»

Даже слуги относились к гувернантке неуважительно:

«Слуги, видя, как мало уважают гувернантку хозяева дома и их отпрыски, вели себя соответствующим образом.»

Как в дальнейшем заметит главная героиня:

«Собственно говоря, это было наиболее разумным: гувернантке принадлежало право подчиняться и угождать, ее ученицам — право считаться лишь с собственными желаниями.»

Другая характеристика общественного положения Агнес – это незаметность, незначительность в глазах господ.

«они (гости и Блумфилды) меня не замечали (хотя такая невоспитанность меня неприятно удивляла)...»

Вначале девушку задевает подобное отношение, несправедливое неравенство:

«Их взгляды скользили по мне, как по пустоте, так, точно они меня не видели или старательно показывали, что не видят. Неприятно было и идти позади всех, словно смиренно признавая свое зависимое положение.»

В дальнейшем Агнес смирилась со своей ролью «невидимки», «глухонемой, которая не могла сказать и слова» и даже начала удивляться, если ее замечали:

«...но тут заметил меня и легким поклоном признал мое присутствие (для мистера Хэтфилда и любого другого джентльмена я оставалась бы невидимой).»

С возрастом в ее оценках своего положения появился даже момент унижения:

«Появление такого ничтожества, как я, прогнать мистера Хэтфилда не могло.»

Агнес понимала разницу своего положения и статуса ее подопечных, Матильды и Розалии, даже в описании их взаимоотношений, она всегда акцентирует внимание на разницу классов, на свое «незнатное» общественное положение:

«...со временем привязалась ко мне настолько горячо, насколько это позволяли особенности моего положения и ее характера: она редко более чем на полчаса забывала, что я дочь бедного священника без собственного прихода и что ее родители платят мне жалованье.»

Классовое сознание расцвело в Викторианскую эпоху. Будучи в дружеских отношениях с Агнес, Розали все равно ставит ее положение выше личной привязанности, Агнес не может обедать и даже просто находиться рядом с господами, она понимает и принимает эту ситуацию:

«...обедать вы будете во время нашего второго завтрака — в таком случае вы сможете пить чай в этой комнате и будете избавлены от необходимости обедать с сэром Томасом и леди Эшби, что было бы несколько неловко... то есть не неловко, но... ах, вы же понимаете, что я хочу сказать: мне подумалось, что вас это может стеснить, тем более что у нас иногда обедают знакомые...»

Миссис Блумфилд

Основной задачей миссис Блумфилд было следить за домом, это и основная ее функция в романе. Она второстепенный персонаж, который позволяет красочнее изобразить недостатки и изъяны викторианского общества.

Внешние характеристики

Как у истинной викторианской женщины, у нее болезненный вид, но красоты он ей не придает:

«Она оказалась высокой, сухопарой, чопорной дамой с густыми черными волосами, ледяными серыми глазами и очень нездоровым цветом лица»

Внутренние характеристики

С первых же минут знакомства Миссис Блумфилд вызывает отторжение. Она излишне холодна и сдержана (что является утрированным подражанием канону – сдерживать чувства и эмоции):

«... хозяйка дома, ... приняла меня довольно холодно»

В разговоре с Агнес, которая устала с дороги и была напугана, она пыталась ободрить и поддержать ее, но из-за своей скованности и зажатости сделала только хуже:

«...ответила она с ледяной невозмутимостью, которая отнюдь меня не ободрила»

Чопорная, излишне требовательная к подчиненным (слугам и гувернантке), миссис Блумфилд не желает видеть пороки своих детей. Они невоспитанны, жестоки, капризны. Сын растет маленьким диктатором, подражает отцу, не ставя женщин ни во что, издевается над животными и считает себя хозяином положения. Дочери кокетливы, распущены, склонны обманывать и манипулировать. Дети миссис Блумфилд глупы, ограничены, но всю вину она возлагает на гувернантку.

«..ее общество чрезвычайно меня угнетало, и я волей-неволей пришла к выводу, что она холодна, строга и чванлива...»

Помимо этого, в ней есть черты викторианского империализма (ощущение, что англичане – владельцы мира), а также чувство превосходства человека над всем живым в целом. Миссис Блумфилд – типичная представительница своей эпохи, но ее образ далек от идеала.

«Видимо, вы забыли, ...что все твари были только для того и созданы, чтобы мы распоряжались ими, как сочтем нужным». – (из разговора про птичек, которых хотел мучить, а затем убить Том, сын миссис Блумфилд, а Агнес пыталась объяснить свое поведение миссис Блумфилд)

Социальное положение

Несмотря на все свое превосходство над Агнес, миссис Блумфилд не значит ровным счетом ничего в обществе. Ее главная цель – быть хозяйкой, муж, дядя и даже ее сын не считают женщин достойными уважения, Тома поощряют, когда он не повинуется гувернантке, диктует ей свое требование, мнение миссис Блумфилд ничего не значит. Она следит за кухней, за обедом и за порядком в доме. Мистер Блумфилд пришел в ярость, узнав,

что миссис Блумфилд не знает, какая рыба будет на обед, что она не проследила, как готовится мясо, и выговаривает ей, ведь она плохо играет свою социальную роль:

- Потрудитесь в будущем позаботиться, чтобы на кухне не смели прикасаться к кушанью, убранному со стола почти нетронутым. Позаботьтесь об этом, миссис Блумфилд!

— Не знаете? — вскричал он, поднимая мрачный взор от тарелки. Нож и вилка изумленно повисли в воздухе.

— Нет. Я велела повару приготовить рыбу, но не назвала, какую именно.

— Нет, вы только подумайте! Хозяйка дома даже не знает, I какая рыба готовится для обеда! Заказывает рыбу — и не называет, какую именно!

Старшая миссис Блумфилд, бабушка

Мать мистера Блумфилда, позиционирующая себя как набожная и праведная женщина, в действительности оказывается лицемерной. Она является карикатурой на викторианских дам.

У этой героини отсутствуют внешние характеристики, вероятно, потому, что старшая миссис Блумфилд – второстепенный персонаж и появляется в книге эпизодически. Однако в романе отлично раскрываются ее внутренние характеристики.

Она вела двойную игру, очерняя Агнес в глазах миссис Блумфилд:

«Милочка, а вы уверены, что эта особа?.. Помяните мое слово...»

С другой стороны, она пыталась расположить к себе Агнес, порицая свою невестку:

«Старшая миссис Блумфилд все время была со мной очень внимательна и обходительна и казалась мне приветливой, добросердечной... Она даже сочувствовала мне в моих хлопотах с детьми и... давала мне понять, до чего она не одобряет их маменьку»

Как истинная представительница викторианской эпохи, она соблюдает нормы морали, но больше на словах, коими она постоянно описывает свои добродетели:

«Я и прежде замечала у почтенной старушки кое-какие слабости (например, склонность разглагольствовать о своих добродетелях)»

Старшей миссис Блумилд посвящена всего одна небольшая глава, но уже по ней можно судить о ней как о недалекой и лицемерной женщине.

«Теперь она выдалась мне льстивой и лживой лицемеркой, шпионящей за каждым моим словом и поступком.»

В целом, старшую миссис Блумфилд можно рассматривать как карикатурный персонаж. Она – «кривое зеркало» викторианской морали.

Миссис Мэррей

Хозяйка другого дома, в котором довелось работать Агнес. Миссис Мэррей в первую очередь мать, которой нужно заботиться о замужестве дочерей, мать, одержимая идеей «пристроить» детей. На ее общественном положении не делается акцент, но, исходя из внутренних и внешних характеристик, мы понимаем, что ее основная задача в семье – это хозяйство и дети.

Внешние характеристики

«Миссис Мэррей... оказалась красивой элегантной дамой лет сорока, которая не жалела ни средств, ни усилий, чтобы подольше сохранить свои чары»

Как истинная викторианская леди, она следит за своей внешностью, ведь это ее визитная карточка. Из основных задач, которые ей выпадали – это гостеприимство (организовывать балы, встречать гостей, следить за тем, чтобы все прошло прекрасно, и хвалили хозяина поместья).

Внутренние характеристики

Несмотря на стремление нравиться, сохранить девичьи чары, миссис Мэррей – мать, и благополучие детей для нее превыше всего. Если идеал викторианской женщины – это заботливая помощница, которая не только растила детей, но и следила за тем, как их

воспитывают, то миссис Мэртэй вполне вписывается в этот канон, но только похожей на домашнего ангела это ее совсем не делает.

Ставя во главу всего счастье и комфорт своих детей, она совершенно не беспокоится об условиях жизни гувернантки, которая воспитывает ее дочерей, дети – это единственные люди в мире.

«...миссис Мэртэй, столь заботливо оберегая счастье и покой своих детей, столь постоянно возвращаясь к этой теме, ни разу не подумала, что и я могу нуждаться в каком-то внимании»

При этом она настолько одержима идеей выдать замуж своих старших дочерей, что выбирает для Розали человека грубого и непорядочного. Ее заботит лишь статус, чтобы дочь была замужем за человеком ее круга, богатым и знатным. Она, фактически, стала архитектором несчастья Розали.

«Мне представлялось ужасным, что бедняжку заставят сделать бесповоротный шаг, не дав ей времени опомниться и поразмыслить над ним. ...но меня изумляла и повергала в ужас бессердечность миссис Мэртэй, ее полное равнодушие к истинному счастью дочери.»

Она также лицемерна, пытается критиковать работу гувернантки, считая, что разбирается в образовании лучше, не нарушая норм этикета, сохраняя лицо и приличия.

«...выплыла вон из комнаты с самодовольной улыбкой на лице — без сомнения считая, что достаточно затруднила себя, да к тому же была на редкость чарующе-снисходительной»

Лицемерие миссис Мэртэй простирается и до ее духовных качеств. Перед Агнес она пытается играть явленное благочестие, порядочность и знание Библии, но на деле, это все лишь бы пустить пыль в глаза. Вероятно также, что она не очень хорошо знакома с Библией.

«Им не хватало той кротости и спокойствия духа, которые, как учил святой Матфей или кто-то еще из них, гораздо лучше, чем одевание в пышные и мягкие одежды... Впрочем, вы же дочь священника и сами знаете этот стих.»

Миссис Мэртэй не многим лучше миссис Блумфилд, возможно, даже хуже. Ведь ее ограниченность и приверженность тому, «что принято», «что скажут», «о чем подумают», заставляет ее вмешиваться в жизни дочерей, лишая их счастья

Общественное положение

«Ее главное занятие заключалось в том, чтобы давать званые вечера или посещать их и тщательно следить за всеми капризами моды»

При всей напускной важности, миссис Мэртэй не более, чем хозяйка, которая принимает гостей. Ее общественное положение так же незначительно, как и положение миссис Блумфилд.

Матильда Мэртэй

Матильда – младшая сестра Розали, ребенок природы, дикая натура, которую пытаются вогнать в рамки викторианского этикета и викторианской морали.

Внешние характеристики

Внешним характеристикам Матильды не уделяется достаточного внимания, мы лишь узнаем, что она довольно юна и предпочитает удобную одежду элегантно.

«Мисс Матильда, по виду совершенный сорванец лет четырнадцати, в коротком платье и панталончиках...»

Она уступала своей сестре во всем, в возрасте, внешности и манерам.

«Мисс Матильда Мэртэй была невоспитанным сорванцом и не заслуживает длинного описания. Достаточно сказать, что она была на два с половиной года моложе сестры и отличалась от нее более крупными чертами лица и темными волосами.»

Внутренние характеристики

Будучи девушкой из высшего класса, Матильда уверена в себе и своих способностях. Агнес же не считает, что ее представления о себе соответствуют реальности. Не в пример идеальной викторианке, Матильда не беспокоилась о своем внешнем виде.

«Матильда считала, что недурна собой, но не заботилась о своей наружности, как не заботилась и об образовании своего ума и развитии светских талантов.»

Матильда обожала лошадей и проводила с ними больше времени, чем в обществе. Она была дикой, невоспитанной юной девушкой:

«Матильда была бы отличным животным — полным жизни, энергии, сил, но как существо, наделенное разумом, она отличалась варварским невежеством, упрямством, небрежностью и безрассудством»

Что совсем идет в разрез с домашним ангелом – это ругательства. Даже мужчины не позволяли себе грубые слова, если общество было приличным и уважаемым. Матильда, проводившая много времени с конюхами и отцом, стала подражать мужчинам, причем, в случае конюхов, мужчинам из низшего класса. По традиции отец занимался воспитанием мальчиков, а девочки оставались на попечение матери или гувернантки, но Матильда была «папиной дочкой», для нее эталоном был отец, а не мать.

«О плачевности ее нравственных понятий свидетельствует тот факт, что она научилась от отца ругаться, как пьяный солдат.»

Иначе Матильда смотрит и на замужество. Ее не интересует общественное положение мужа, финансы также ее не интересуют, что говорит о бескорыстности Матильды. Несмотря на неотесанность и дикость, в душе она стремилась к добру и хотела бы хорошего мужа.

— Ну и пусть. Я за деньгами не гонюсь, как вы с мамой. Если у моего мужа хватит средств содержать несколько хороших лошадей и гончих, мне ничего другого не надо. К дьяволу все остальное!

— Однако, если ты не перестанешь употреблять такие выражения, ни один настоящий джентльмен к тебе и близко не подойдет.

Матильда довольно молода, чтобы иметь некое социальное положение. После замужества сестры все внимание и заботы матери переключились на нее. Постепенно она начала превращаться в каноническую викторианскую девушку. Ей запретили проводить время в конюшне, ее заставили заниматься внешним видом и следить за манерами, после череды протестов, Матильда начала меняться.

Розали Мэ́ррэй

Своеобразный антипод Агнес. Олицетворение того, что главная героиня порицала в женщинах и людях, а также Розали можно рассматривать образцом женского идеала (который, впрочем, показан через призму сознания Агнес, поэтому также не выглядит привлекательным). В анализе ее образа можно выделить две категории: до замужества и после замужества.

Внешние характеристики

До замужества

Розали была красавицей, знавшей себе цену. Она обладала элегантностью и манерами, всеми средствами для обольщения и поиска мужа. Бледна, как и требовал канон.

«Мисс Мэ́ррей, иначе Розали, в свои шестнадцать лет была очень хорошенькой, а через два года, вступив в пору расцвета, обретя еще большее изящество осанки и элегантность манер, она стала бесспорной красавицей: высокая, стройная, но не худая, безупречно сложенная, с нежным цветом кожи, хотя и не игравшей здоровым румянцем. Пышные длинные русые локоны отливали золотом, голубые глаза были пленительно ясными и чистыми, и вряд ли кто-нибудь пожалел, что они не васильково-синие. Черты лица у нее были мелкими, не вполне правильными и мало примечательными, тем не менее ее нельзя было не признать обворожительной.»

После замужества

Замужество измотало и лишило Розали ее главного оружия – обольщения. Она превратилась в мать, которая должна была играть свою единственную и неразнообразную роль:

«То ли светский образ жизни, то ли еще какое-то дурное влияние были тут причиной, но двенадцать месяцев с небольшим подействовали на нее, как такое же количество лет: ее фигура утратила недавнюю безупречность, цвет лица — былую свежесть, движения — живость, а дух — неиссякаемую веселость.»

Внутренние характеристики

Среди внутренних характеристик можно выделить те, которые давала Агнес, и те, которые давала Розали сама себе.

Агнес: Отношения с подопечной были противоречивыми, в конце романа они даже стали подругами, а также отмечала некоторые ее способности.

«По натуре она была скорее доброй и веселой. Но постоянное баловство и привычка не слушать доводов рассудка сделали ее капризной и вспыльчивой. Ум ее, от природы не очень глубокий, оставался неразвитым, несмотря на живость и известную проницательность. Она обладала несомненными способностями к музыке и языкам, но до пятнадцати лет не утруждала себя занятиями, но затем желание блистать пробудило в ней усердие — однако лишь к приобретению светских талантов.»

Но, тем не менее, Агнес не могла не видеть пороки Розали. Ограниченная роль женщины в викторианском обществе ставила ограничение не только на общественное и юридическое положение женщины, но также и на ее психологию, ведь что оставалось делать даме, как ни пленять потенциальных мужей.

«... в семнадцать эта склонность, как и все остальное, подчинилась главной всепоглощающей страсти — пленять и ослеплять другой пол.»

Вначале Розали предстает холодной и сдержанной, как и учит мораль, но сдержанность ее порой перерастает в высокомерие и дерзость.

«...она обладала живостью, легкостью характера и умела быть очень милой с теми, кто ей не перечил. Со мной вначале она держалась холодно и высокомерно, потом стала дерзкой и властной...»

Самым ужасным пороком, рожденным викторианской моралью, стало тщеславие. Розали упивается своим успехом у мужчин, лишенная возможности самой принимать решение, она наслаждается силой отказа.

«Меня поразило и преисполнило отвращением ее бессердечное тщеславие. Я спрашивала себя, почему столько красоты даруется тем, кто так дурно ею распоряжается, а не тем, кто сумел бы обратить ее на радость себе и другим. Вероятно, есть мужчины не менее тщеславные и эгоистичные, чем она, и, быть может, подобные женщины нужны, чтобы карать их.»

Розали: сама же Розалии ничего ужасного в тщеславии не видит, оно, наоборот, ей даже импонирует:

«...все джентльмены, как только меня увидят, так сразу по уши влюбятся. Значит, мне позволительно быть чуточку тщеславной.»

Тщеславие для нее то, что является неотъемлемой частью женской природы.

«...имею же я право на чуточку женского тщеславия? Я ведь не делаю вида, будто лишена этого важнейшего свойства нашего пола...»

Розали пропитана викторианскими шаблонами. Это красочно объясняет один из диалогов с Агнес:

— *Мной ведь так восхищались! И я за этот вечер одержала столько побед! Вы даже не поверите...*

— *Но какую пользу они вам принесут?*

— Пользу! И это спрашивает женщина?

Несмотря на тщеславие и явный успех у мужчин, Розали знает, где нужно остановиться, чтобы не выйти за рамки дозволенного, ведь одержимость кокетством стоит где-то на одном уровне с одержимостью быть правильной и не нарушить моральные устои.

Так она не стремится очаровать женатых мужчин, не пытается стать конкуренткой женам, если она и ведет игру, то едва уловимую и призрачную.

«К сожалению, оба графа, лорд Г. и лорд Ф., уже женаты, иначе я, быть может, снизила бы до того, чтобы немножечко их выделить. Но, увы!»

Ее стремление доказать, как она добродетельна и насколько чтит мораль, приводит ее черствости и бессердечности.

«...я хвалю себя за мое благоразумие, умение владеть собой, за мое бессердечие, если вам угодно. Я ни чуточки не растерялась, не смутилась, не допустила никакой неловкости, никаких промахов. Я держалась и говорила именно так, как следовало. А ведь он решительно хорош собой...»

Розали не видит в замужестве предел мечтаний, но она боится остаться старой девой. В Викторианскую эпоху это была реальная опасность, так как мужчин было меньше, чем женщин, вдобавок ко всему, семейство Мэррэй жили в деревне. Быть старой девой считалось еще хуже, чем быть несчастной в браке.

«Но я бы ни за что не вышла замуж, если бы навсегда могла остаться молодой. Я бы пребывала в одиночестве и так веселилась! Кокетничала бы со всем миром, а когда появилась бы опасность, что меня начнут называть «старой девой», я, чтобы избежать такого беславия после десяти тысяч побед, разбила бы все их сердца, кроме одного, выбрав самого знатного, богатого и покладистого мужа, о котором мечтали бы пятьдесят девиц, не меньше.»

В романе есть очень интересный момент. Когда Розали выбирает себе в жертвы священника Хэтфилда, то ее мать весьма обеспокоена, что дочь может опозорить семейство и скомпрометировать себя.

«Я хотела бы, чтобы вы пошли посмотреть, там ли она, и тактично напомнили ей, что барышне ее положения и с блестящим будущим не прилично прогуливаться одной там, где кто угодно может позволить себе дерзость заговорить с ней, словно с какой-нибудь бедной сиротой, у которой нет для прогулок собственного парка и нет близких, чтобы о ней позаботиться. И скажите ей, что ее папенька очень на нее рассердился бы, если бы узнал, что она, как я опасуюсь, разрешает мистеру Хэтфилду некоторую фамильярность.»

И речь идет о разговоре наедине! Но мужчина – не жених, поэтому по викторианским меркам подобные разговоры без компаньонки или гувернантки считались почти скандалом и дискредитацией. Но в дальнейшем Розали объясняет свое поведение, которое, как оказалось, не выходит за рамки приличия.

*«Она уже докучала мне из-за мистера Хэтфилда, и я ей ответила, что она может твердо на меня положиться: я не забуду о своем положении и его требованиях даже ради самого обаятельного мужчины в мире. Как она смеет считать меня глупенькой, девчонкой, способной **влюбиться!** Это же унижительно для женского достоинства. Любовь! Не терплю этого слова. И считаю оскорблением, когда оно употребляется применительно к нашему полу. Я могу снизить до **благосклонности**...мне необходимо с кем-то кокетничать...»*

Викторианская мораль настолько крепка в голове Розали, что она готова отказаться от любви, лишь бы выглядеть дурно в глазах общества или матери. Браки по любви стали возможны и желаемы в Викторианскую эпоху (пример королевы мотивировал подобные желания), однако Розали ставит приличия и долг выше любви, она отвергает возможность любить.

...взял да и сделал мне предложение.

— А вы?

— Я гордо выпрямилась и с величайшей холодностью выразила свое изумление подобной выходкой, ведь я, казалось, не дала ему никакого повода питать подобные надежды. Видели бы вы, как у него вытянулась физиономия! Он побелел как полотно. Я заверила его, что питаю к нему глубокое уважение и прочее и прочее, но принять оказанную мне честь не могу.

Она также не вольна выбирать себе мужа. Родители (точнее, мать) решили за нее, ей лишь нужно смириться и правильно вести себя. Она примерная дочь, несмотря на то, что ей претит жизнь в деревне, Розалии вынуждена выйти замуж за названного кандидата.

«Мне только не нравится, что он такой урод — меня только это мучает. Но тут в глуши выбора нет, а папа не желает, чтобы мы поехали в Лондон.»

Еще одна обратная сторона викторианского общества, о котором уже говорилось в исследовании, это лицемерие. Розали мила и приветлива даже с теми, кого она ненавидит, она держит лицо.

«— Идиотки! — пробормотала мисс Розали. Однако поздоровалась она с ними самым приветливым образом и не менее их радовалась вслух такой счастливой встрече.»

Порой в Розали проскалтыывают черты *femme fatale*, проявляется демоническая натура, обратная сторона домашнего ангела:

«Но если я должна выйти замуж столь скоро, времени терять нельзя. Я ведь решила, что Хэтфилд будет не единственным, кто положит сердце к моим ногам и будет тщетно молить, чтобы я приняла этот никчемный дар. вряд ли попросит меня стать его женой, да я этого и не хочу: у всякой дерзости должны быть пределы! А хочу я, чтобы он признал мою власть. О, он ее уже почувствовал, но он должен ее признать...»

Но эти признаки исчезают вместе с замужеством героини. Уже на стадии помолвки она начинает вести себя как образцовая невеста, ожидающая писем от жениха:

«Розали иногда показывала мне письма своего нареченного, чтобы похвастать, какой добрый любящий муж из него выйдет.» - отношения жениха и невесты

Когда у нее появляется ребенок, она совсем теряет черты роковой женщины. Она лишается и красоты, и внутреннего шарма, и демонических черт. Материнство вновь делает ее домашним ангелом, быть которым она стремилась.

«Если да, то сможете насладиться видом моего, самого прелестного ребеночка на свете, тем более что я избавлена от кормления — я с самого начала твердо положила, что затруднять себя этим не буду. Одна беда: это девочка, и сэр Томас меня еще не простил.»

Также из этого примера видно, насколько женщина бесправна, она не могла быть наследником, поэтому мальчики были в приоритете.

Общественное положение

До замужества Розали считает себя хозяйкой положения, она разбивает сердца и «повелевает» мужчинами, но в дальнейшем оказывается, что все это было иллюзией, в действительности, особого положения она никогда не занимала.

После замужества: Розали не может принимать решения, где ей жить и сколько денег тратить. Всем этим занимается муж, и, если жена ведет себя, на его взгляд, не благоразумно, он может наказать ее.

«...сэр Томас изволил рассердиться на него... или на мое мотовство... или уж не знаю на что и без предупреждения увез меня в деревню, где, я полагаю, мне предстоит изображать отшельницу до конца моих дней. - И, закусив губу, она хмурым взглядом обвела владения, которые имела неосторожность столь горячо возжелать.»

Розали произносит целый монолог, посвященный незавидному положению женщины. Она вышла замуж за богатого и знатного мужчину, но в действительности, она стала ничем, частью своего мужа. Теперь она не может проявлять свои таланты, веселиться, все ее действия диктует муж. Ей остается только подчиняться и подстраиваться под его желания.

«...я думала, что он меня обожает и позволит мне все, чего бы я не захотела. Вначале он притворялся, будто так оно и есть, а теперь ему до меня нет дела. И я бы только радовалась: пусть он вытворяет, что ему вздумается, лишь бы я могла развлекаться, как нравится мне, жить в Лондоне или приглашать сюда моих друзей. Но нет! Это он делает, что ему нравится, а я должна жить тут, как пленница и рабыня. Едва он заметил, что мне весело и без него, что другие знают мне цену лучше, чем он, как дрянной себялюбца принялся обвинять меня в кокетстве и мотовстве<...> А потом насильно увез меня в деревню вести жизнь монахини, а то как бы я его не обесчестила или не разорила!»

Отдельно следует сказать о матери Агнес. Ее персонаж не является главным в сюжетной линии, о ней говорится немного в начале и конце романа. Однако ее образ, несмотря на отсутствие подробностей, довольно интересен.

Мать Агнесс – очень решительная женщина. Она вышла замуж за бедного священника наперекор воли отца, лишив себя и детей наследства и финансовой поддержки. Зато ее брак был по любви, ради этого она пожертвовала своим общественным положением. Когда, после смерти мужа, отец написал ей и попросил признать свой проступок и отречься от мужа, она вновь проявила решительность, несмотря на то, что они были в нужде, а наследство и финансовая поддержка были бы как нельзя кстати. Она практически не сомневается, как поступить: *«он неверно полагает, будто я могу сожалеть о рождении моих дочек ... и о тех тридцати годах, которые я провела с моим дорогим, незабвенным другом; что будь наши невзгоды троекратно более тяжкими... я лишь втрое больше радовалась бы, что разделяла их с вашим отцом и доставляла ему то утешение, какое могла; что будь его последняя болезнь в десять раз мучительнее, я ухаживала бы за ним столь же усердно и ни на что не роптала бы; что, если бы он нашел себе жену богаче, несчастья и беды все равно не обошли бы его стороной, но я эгоистично убеждена, что никакая другая женщина не сумела бы лучше меня поддерживать в нем бодрость духа; не то чтобы я лучше других, но просто я была создана для него, а он для меня, и я равно не могу сожалеть о проведенных нами вместе днях, месяцах, годах счастья, какого ни он, ни я не знали бы ни с кем другим, как не могу раскаяться в том, что мне была дана великая честь ухаживать за ним в болезни и быть его опорой в бедах.»* Она спрашивает мнение своих дочерей, но все же принятие решения остается за ней.

Выводы по III главе

Несмотря на то, что Викторианская эпоха изображена, словно в кривом зеркале, обнажающем пороки и недостатки, «Агнес Грей» - очень викторианский роман. Для повествователя и главного персонажа не так важна внешняя красота (практически отсутствуют внешние характеристики женщин, если есть, то довольно скудные), но более важны нравственные качества и добрый нрав человека. В романе есть некий дидактизм. Как и у Диккенса, зло наказуемо, а добродетель торжествует, что также является одной из черт классического викторианского романа.

Женские образы, созданные Энн Бронте, интересны и не совсем вписываются в викторианский канон. Среди них есть зачатки образов Новой женщины (Агнес, ее мать), *femme fatale* (Розали), но в дальнейшем их персонажи полностью соответствуют канону эпохи, скрывая зачатки новых образов, которые намечены штрихами, и черты эти не преобладают.

Как уже было отмечено выше, в персонажах Агнес и ее матери есть черты Новой женщины (стремление к независимости, выбор своей судьбы, решительность и упорство), однако эти качества в них пробуждает нужда.

Мать Агнес – настоящий домашний ангел после замужества, она вышла замуж по любви, лишившись наследства и беспечной жизни, но она вела хозяйство и воспитывала дочерей, потом основала пансион для девушек. Она самостоятельно справляется с трудностями и отвергает помощь отца, чтобы сохранить верность и добрую память умершего мужа. Однако ее самостоятельность и решительность не имеют ничего общего с ее общественным положением и ее желанием быть независимой. Она, выйдя замуж против отцовской воли, перешла из одного класса в другой, но стало любящей женой и матерью, для нее высшая ценность и смысл жизни были в браке и дочерях. Пансион – лишь способ выжить одной, без мужчины.

Агнес так же решительна, упорна и желает доказать, что она может справиться с трудностями. Однако она очень скромна, подавляет свои чувства, лишь по счастливому случаю (закону жанра) она соединяется с любимым человеком, без которого, впрочем, жизнь казалась бы ей серой и бессмысленной. Агнес не типичная викторианская девушка, но викторианских черт и соответствий канону в ней порой больше, чем в миссис Блумфилд или Розали Мэррэй. Она религиозна, мила, готова жертвовать своим комфортом ради удобства других, считает замужество пределом мечтаний и не видит в управлении собственным пансионом освобождения из оков. Для нее это необходимость, чтобы выжить в виду отсутствия мужчины.

Розали Мэррэй – кокетка, разбивает мужские сердца ради удовольствия и развлечения, хочет погубить того, кто ее привлекает. Мнит себя роковой женщиной и красавицей, которая может поставить мужчину на колени. Но после свадьбы все эти иллюзии исчезают. Во время своей игры в *femme fatale* соответствие нормам морали и мнению общества (ее матери, в особенности) для нее чуть ли не важнее, чем сама игра и ее эффект. Она постоянно думает о своей репутации, о том, как она выйдет замуж и как все ее веселье после этого закончится. Она не вольна выбирать мужа, поэтому выходит замуж не по любви, подавляя интерес к тем, кто не подходит ей, по мнению родителей и общества, выходит замуж за статус и положение в обществе, которого после замужества она все равно лишается. Она капризный ребенок, который превращается в грустного домашнего ангела.

Взаимоотношения между соперницами изображены в викторианском стиле: их практически нет. Розали, произведя фурор на балу, вынуждена отступить перед женатыми господами. Все, что она может делать, это тихо поносить их жен, но в лицо улыбаться и быть милой и с ними, и с их мужьями. Она не позволяет себе флиртовать с ними, даже потанцевав с одним из женатых мужчин, она с удовольствием отмечает зависть жены, но понимает, что на этом игра окончена. Агнес ведет себя еще более пассивно. Когда она узнает, что Розали избрала своей новой жертвой Уэстона, она не пытается ей помешать или включиться в «игру» и начать завоевывать любимого мужчину. Она лишь молится и просит Бога, чтобы тот не дал Розали разрушить жизнь Уэстона. Она говорит с Розали намеками, которые далеко не прозрачные, она не позволяет себе ни грубость, ни даже проявление интереса или тревоги.

Остальные женские персонажи служат сюжетным фоном. Блумфилды – это карикатура на викторианскую мораль. К чему может привести строгое ее соблюдение, в какие извращенные формы она может вылиться. Семейство Мэртэй – также своеобразный укол в сторону викторианства, семья, в которой дочери не могут выбирать свою судьбу, любить и делать то, что им хочется. Изнанка викторианского общества.

Таким образом, в романе Энн Бронте и аристократки, и богатые дамы, и бедные девушки одинаково бесправны. Богатые становятся украшением домов, бедных просто не замечают, им приходится искать пути выживания, не ставя под угрозу при этом свою репутацию. Положение женщин одинаково незавидное, хотя в итоге бедная Агнес находит свое счастье в браке.

Писателям Викторианской эпохи, видевшим ее изнаночную сторону, приходилось идти на компромисс. Этот роман, эти образы и есть компромисс с долей критики. Тем не менее, это сугубо викторианский роман и женщины, хоть в некоторых и есть черты «Новой женщины», - все равно викторианские образы, близкие к идеалам, так или иначе содержащие его черты.

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, отметим важность рассмотрения женских образов викторианской литературы в контексте исторической эпохи, социальных явлений и литературных процессов. Викторианская эпоха стала Золотым веком в истории Великобритании, но также обернулась большим идеологическим и духовным разочарованием. Литература откликалась на все социальные и политические изменения, происходившие в стране. Оптимизм романов начального периода со счастливым концом и

наказанием порока, индустриализм и борьба классов промежуточного периода, а затем разочарование и предчувствие конца в поздних викторианских романах.

Чтобы проследить изменения и развитие женских образов в викторианской литературе, увидеть новаторство Г. Р. Хаггарда, мы выбрали две точки: начальную (роман «Агнес Грей») и завершающую (романы Р. Хаггарда).

Женские образы, созданные Р. Хаггардом с одной стороны, являются отражением эпохи, с другой стороны, являются новаторскими и привносят в литературную традицию новые черты. Женские образы в романе «Она: История приключения» являются выражением страха перед Новой женщиной, обеспокоенность движением феминисток и возможными последствиями этого движения, отсюда сравнения красоты женщины со злом, ее образа со змеей, василиском и языческими богинями. Однако женщины в романе не могут не зачаровывать и не вызывать уважение, помимо страха. Аэша восхищает своей образованностью и грацией, она ставит себя наравне с мужчинами, что оказывается не так уж плохо. Такие женщины могут стать частью «светлого будущего Британской империи». Устана из племени Амахаггер подкупает искренностью и отсутствием лицемерия, которое было так характерно для Викторианской эпохи. Более того, все женщины Амахаггера свободны как в общественной, так и в личной жизни: они вольны выбирать себе мужа, они могут решать свою судьбу, они равны мужчинам, их права одинаковы, что не вызывает никакого общественного или идеологического диссонанса.

В романе «Аэша: Возвращение Ее» новаторство состоит в синкретизме, в соединении прошлого и настоящего, в переосмыслении мифологии и современной эпохи. В образе Аэши слились воедино репрезентация королевы Виктории, тоска по Золотому веку и королеве, а также образы далекого прошлого, мифологические женщины (Ундина, Лилит, Исида, Мелюзина). На стыке прошлого и настоящего рождается будущее, таким необычным и нетипичным женским образом Р. Хаггард предвосхитил новый жанр (фэнтези) и новых героев литературы. Также женщины в романе «Аэша» являются отражением эпохи рубежа веков, они несут в себе черты *femme fatale*, их судьбами управляет рок, они живут в ожидании трагедии, они предчувствуют конец. Р. Хаггард преодолевает традицию и стереотипизацию женского образа, создавая новые возможности изображения женщины в английской литературе.

Женские образы, созданные Р. Хаггардом, порывают с викторианским каноном, чем делают существенный шаг вперед, по сравнению с женскими образами в романе Э. Бронте

«Агнес Грей». Писатели начального периода Викторианской эпохи стремились найти компромисс между желанием обличить пороки викторианства и восхищением этой эпохой. Женские образы начального периода практически полностью соответствуют викторианскому канону. В романе «Агнес Грей» есть карикатурные женские образы (миссис Блумфилд, старшая миссис Блумфилд), которые отражают лицемерие и ханжество викторианок, героини семейства Мэртэй (Розали, миссис Мэртэй) изображают обратную сторону викторианской морали, которая вынуждает матерей жертвовать счастьем своих детей, а юных девушек искать смысл своей жизни в достойном замужестве, кокетстве и флирте. Однако образы Агнес и ее матери, несмотря на некоторые особенности, являются идеальным примером викторианской женщины. Они скромны, хозяйственны, экономны, практичны, не желают причинять беспокойства другим и готовы посвятить свои жизни мужу и детям.

Роман «Агнес Грей» увидел свет в 1847 г, а первый роман из цикла «Аэша» в 1886 г. Между женскими образами романа «Агнес Грей» и романов Р. Хаггарда лежит целая эпоха, а также огромная пропасть. Агнес в трудные минуты обращается к Богу и справедливости, Аэша восклицает: «Что есть закон?», «Ведь все религии в сущности одинаковы»; Агнес боится признаться в чувствах к Уэстону даже самой себе, Аэша с первых минут знакомства с Лео высказывает свою привязанность, Устана целует Лео в знак своей любви при знакомстве, Афина целует спящего Лео и не скрывает своих намерений сделать его своим мужем; Агнес отступает перед Розали, молясь лишь о том, чтобы соперница не разрушила счастье Уэстона, Розалии не решается флиртовать с женатыми господами, она лишь за глаза обсуждает их жен, Аэша убивает Устану, которая считала себя женой Лео, Афина оскорбляет свою соперницу, очерняя ее в глазах возлюбленного; Розали становится хозяйкой дома, но лишается всех прав, в обществе она не имеет ни голоса, ни влияния, Агнес до замужества была «невидимкой» по роду своей профессии, после замужества посвятила себя семье и детям, Аэша – королева Кор, Устана, став женой Лео, осталась при этом свободной женщиной, хоть и решила везде следовать за своим мужем, Афина – ханша Калуна, она не официальная правительница, но у нее есть определенная власть и влияние. Женщины в романе «Агнес Грей» либо лицемерны, либо вынуждены лицемерить, чтобы держать лицо, они постоянно подавляют свои чувства, они следуют морали и правилам, они сдержанны и серьезны, женщины в романах Р. Хаггарда ведомы страстями, они неудержимы, властны, опасны, нестабильны, они открыто демонстрируют свою сексуальность и свою красоту, они наслаждаются своей чувственностью.

Таким образом, женские персонажи Р. Хаггарда преодолевают свою эпоху, в них появляются новые черты и особенности. Женские образы романов из цикла об Аэши обладают самобытностью, синкретичностью, мифологичностью и психологизмом. В них отображены образы Новой женщины, *femme fatale*, а также мифологические аллюзии. Они оказали влияние на дальнейшее творчество английских писателей, поэтому романы Р. Хаггарда остаются актуальными и по сей день.

Список использованной литературы

Художественная литература

1. Бронте Э. Агнес Грей. – М.: Аст; Ермак, 2004. – 272 с.
2. Хаггард Г. Р. Аэша. – Харьков: ИНАРТ, 1992. – 608 с.
3. Хаггард Г. Р. Она: история приключения. – М.: Интерпринт, 1991. – 112 с.
4. Brontë A. Agnes Grey [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.literaturepage.com/read/bronte-agnes-grey.html>. – (дата обращения: 02.04.2017)
5. Haggard H. R. Ayesha: The Return of She [Электронный ресурс]. – URL: <http://public-library.uk/ebooks/12/92.pdf>. – (Дата обращения: 24.02.2017).
6. Haggard H. R. She [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bookwolf.com/Wolf/pdf/HRiderHaggard-AHistoryOfAdventure.pdf>. – (Дата обращения: 24.02.2017).

Научно-критическая литература

1. Английская литература [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/ANGLISKAYA_LITERATURA.html?page=0,10. – (Дата обращения: 5.12.2016).
2. Английская литература (периодизация с рассвета до наших дней) [Электронный ресурс]. – URL: <http://englishstory.ru/english-literature.html>. – (Дата обращения: 02.04.2017)
3. Английская литература 19 в на английском языке [Электронный ресурс]. – URL: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=775:-19-&catid=1:english&Itemid=3. – (Дата обращения: 5.12.2016).
4. Викторианская Эпоха [Электронный ресурс]. – URL: <http://lounb.ru/vvs/909-viktorianskaya-epokha>. – (Дата обращения: 5.12.2016).
5. Гриндберг К., Коути К. Женщина Викторианской Англии: От идеала до порока [Электронный ресурс]. – URL: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1024184/Kouti_-_Zhenschiny_viktorianskoj_Anglii_ot_ideala_do_poroka.html. – (Дата обращения: 5.12.2016).
6. Диттрич Т. Повседневная жизнь викторианской Англии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulit.me/books/povsednevnyaya-zhizn-viktorianskoj-anglii-read-267616-2.html>. – (Дата обращения: 02.04. 2017).

7. Долинин А. Полонничество Чарльза Смитсона [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.library.ru/help/docs/n45850/2.pdf>. – (Дата обращения: 2.04.2017).
8. Дьяконова Н.Я. Стивенсон и английская литература. – Л.: Изд-во ЛГУ им. Жданова, 1984. – 192 с.
9. Жук М. И. История зарубежной литературы конца 19 века - начала 20 века [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks319279#TOC_IDAECQ1E. – (Дата обращения: 24.02.2017).
10. История Зарубежной литературы / М. Е. Елизарова [и др.] – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.detskiysad.ru/raznlit/zarlit.html>. – (Дата обращения: 5.12.2016).
11. История западноевропейской литературы. XIX век: Англия: Учеб.пособие / под ред. Л.В. Сидорченко, И.И. Буровой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – 544 с.
12. Культура Викторианской Эпохи [Электронный ресурс]. – URL: <http://eur-lang.narod.ru/histart/xix/victorian.html>. – (Дата обращения: 5.12.2016).
13. Мижуев П. Г. Женский вопрос и женское движение. – Санкт-Петербург: Типография Альтушулера, 1906. – 72 с.
14. Новикова Н. В. Суфражистки и суфражетки: идеология и политика британского феминистического движения в начале XX в. // Женщины в истории: возможность быть увиденными. – Минск: БГПУ имени Маскима Танка, 2001. – С.154-179.
15. Тревельян Дж. Социальная история Англии. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1959. – 607 с.
16. Урнов М. В. На рубеже веков: Очерки английской литературы. – М.: Наука, 1970. – 432 с.
17. Хабибуллина Л. Ф. Женский национальный тип в английской литературе XIX века [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhenskiy-natsionalnyy-tip-v-angliyskoj-literature-xix-veka>. – (Дата обращения: 02.04.2017).
18. Чернов С. Почему у Доктора Уотсона не было детей? [Электронный ресурс]. – URL: <http://svetozarchernov.221b.ru/books/childbearing.pdf>. – (Дата обращения: 02.04.2017).
19. Anne Bronte [Electronic resource]. – URL: <http://www.annebronte.org/>. – (Date of access: 24.03.2017).
20. Arrighi M. Telling Tales: Rider Haggard's Short Stories [Electronic resource]. – URL: <http://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=3200&context=theses>. – (Date of access: 05.03.2017).

21. Arnold M. Literary Influence of Academies [Electronic resource]. – URL: <http://www.jstor.org/stable/4172747>. – (Date of access: 03.03.2017).
22. Auerbach N. Woman and the Demon. – Cambridge: Harvard University Press, 1982. – 272 p.
23. Barker J The Brontës. – London: Weidenfeld&Nicolson, 1994. – 850 p.
24. Bloom H., Trilling L. Victorian prose and poetry. – Oxford: Oxford University Press, 1973. – 800 p.
25. Brantlinger P. Rule of Darkness: British literature and imperialism, 1830-1914. – New York: Cornell University Press, 1990. – 336 p.
26. Bristow J. Empire boys: Adventures in a man's world. – London: Harper Collins Academic, 1991. – 153 p.
27. Campbell J. The hero with thousand faces. – Princeton: Princeton University Press, 1968. – 416 p.
28. Chesterton G. K. The Victorian age in literature. – Oxford: Oxford University Press, 1966. – 117 p.
29. Cohen M. N. Rider Haggard: His Life and Works. – New York: Walker, 1960. – P. – 116.
30. Cunliffe J. W. Leaders of the Victorian revolution. – New York: Russel&Russel, 1963. – 341 p.
31. Deidre D. Rule Britannia: Women, Empire, and Victorian writing. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1995. – 197 p.
32. Ellis P.B. Rider Haggard: A voice from the infinite. – London: Routledge and Kegan Paul, 1978. – 291 p.
33. Elton O. A survey of English Literature. – New York: The Macmillan Company, 1920. – 459 p.
34. Evelyn J. Hynz Rider Haggard's "She": An Archetypal "History of Adventure" [Electronic resource]. – URL: <http://www.jstor.org/stable/29531535>. – (Date of access: 3.03.2017).
35. Ficke H. S. The Source of Rider Haggard's "She" [Electronic resource]. – URL: <http://www.jstor.org/stable/20779374>. – (Date of access: 03.03.2017).
36. Fraser R. The Brontës: Charlotte Bronte&Her Family. – Danvers: Crown, 1988. – 543 p.
37. Gilbert S. Rider Haggard's Heart of Darkness / ed. G. Slusser Coordinates: Placing Science Fiction and Fantasy. – Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1983. – P. –126.
38. Gilbert S.M., Gubar S. The mad woman in the attic: The woman writer and the nineteenth century literary imagination. – Yale: Yale University Press, 2000. – 768 p.

39. Holcombe L. Victorian ladies at work. – Hamden: Shoe String Press, 1973. – 253 p.
40. Hough Gr. The last romantics. – Harrison: Harrison Press, 2013. – 304 p.
41. Huxley T. H. On the physical basis of life [Electronic resource]. – URL: <http://aleph0.clarku.edu/huxley/CE1/PhysB.html>. – (Date of access: 03.03.2017).
42. Introduction into Victorian Morality – What exactly was the Victorian Era? [Electronic resource]. – URL: <http://www.laura-cenicola.de/brithist2/brithist/8-1-introduction-into-victorian-morality-what-exactly-was-the-victorian-era.html>. – (Date of access: 02.04.2017).
43. Kaplan L. Female Perversions. – New York: Doubleday, 1991. – 580 p.
44. Mackenzie J. The Empire of nature. – Manchester and New York: Manchester University Press, 1988. – 340 p.
45. Mazlish B. A Triptych: Freud's The Interpretation of Dreams, Rider Haggard's "She", and Bulwer-Lytton's The Coming Race [Electronic resource]. – URL: <http://www.jstor.org/stable/179180>. – (Date of access: 03.03.2017).
46. Mitchell S. The New Girl: Girls' Culture in England, 1880–1915. – New York: Columbia UP, 1995. – 258 p.
47. Nicholson M. C.S. Lewis and the scholarship of imagination in E. Nesbit and Rider Haggard [Electronic resource]. – URL: <https://www.thefreelibrary.com/C.+S.+LEWIS+AND+THE+SCHOLARSHIP+OF+IMAGINATION+IN+E.+NESBIT+AND+RIDER...-a054099033>. – (Date of access: 3.03.2017).
48. Pal-Lapinski P. The exotic woman in 19 century British fiction and culture. – New Hampshire: University of New Hampshire Press, 2004. – 192 p.
49. Punkhurst E. S. The suffragette movement. An intimate account of persons and ideals. – London: Vigarro Limited, 1977. – 631 p.
50. Roper M., Tosh J. Manful Assertions: Masculinities in Britain since 1800. – London and New York: Routledge, 1991. – 232 p.
51. Sinha M. Triangular Erotics: The Politics of Masculinity, Imperialism and Big-Game Hunting in Rider Haggard's "She" [Electronic resource]. – URL: <http://www.jstor.org/stable/41556282>. – (Date of access: 03.03.2017).
52. Spencer J. The rise of woman novelist: from Aphra Behn to Jane Austen. – Oxford: Blackwell, 1986. – 225 p.

53. Stevenson R. L. A gossip on romance. Memories and portraits [Electronic resource]. – URL: <http://robert-louis-stevenson.org/works/memories-and-portraits-1887/>. – (Date of access: 05.03.2017).
54. Stone D.D. Novelists in a changing world. – Cambridge: Harvard University Press, 1972. – P. – 9.
55. Vinson S. They-Who-Must-Be-Obeyed [Electronic resource]. – URL: <http://www.jstor.org/stable/25659660>. – (Date of access: 03.03.2017).
56. What a matter of woman: Essays on English and American life and literature/ Ed. M. Springer. – New York: New York University Press, 1977. – 357 p.